

П. Петров¹

ОТ ВОЛГИ ДО ТИХОГО ОКЕАНА В РЯДАХ БЕЛЫХ²

Осень 1918 года в Уфе

Крушение Поволжского фронта не было неожиданностью для уфимского командования, и потому там не наблюдалось какой-либо растерянности. Опасность для Уфы раньше была со стороны Мензелинска и устья Белой, так как красные после занятия Казани устремились частью сил на Ижевско-Воткинское направление, а частью по нижней Каме, принудив нашу речную флотилию зайти в реку Белую. Теперь эта опасность увеличивалась.

Нужно сказать, что в Уфимском районе с самого начала восстания на Волге настроение вообще было тверже, чем в Самаре, так как помимо городского населения, давшего значительное число добровольцев, отозвалась и часть сельского татарского населения, а также часть населения Урала.

Уфа, после освобождения, своими добровольческими частями самостоятельно выполнила задачу по очистке района от большевиков и довольно успешно боролась с появившимися на севере отрядами. Единственно, что не удалось Уфе, это отрезать отступление красных из Оренбургского района под начальством Блюхера, который провел отряд около 2000 человек недалеко от Уфы и выбрался после на Кунгур.

В Уфе был объявлен тоже призыв по мобилизации и формировался корпус. Формирование задерживалось недостатком снабжения и к моменту оставления Самары не могло быть закончено; «корпус» не представлял корпуса, а был лишь его скелетом; все же это было удачнее формирований в районе Самары именно потому, что население относилось сочувственно к борьбе с большевиками.

К моменту отхода из Самары и Симбирска Уфимская группа имела задачей обеспечение Уфимского района с севера, со стороны устья Белой, и не могла выделить сил для помощи на Симбирском или Самарском направлениях. На направлении Уфа—Бугульма—Симбирск находился Каппель³ с самарскими и симбирскими частями, к которым присоединились позже через Чистополь с большими трудностями и казанские. Чехи с Симбирского направления были скоро выведены. На направлении Уфа—Самара были чехи и начавший формироваться батальон Учредительного собрания с конным дивизионом; они должны были задерживать красных у Бугуруслана.

После оставления нами Казани открывалось направление на Оренбург, который сразу не мог выдвинуть значительных сил для обеспечения себя со стороны Самары. Я настоял на посылке сызранских частей, кроме Оренбургского казачьего полка. Частям, отступавшим к Оренбургу, приказано было задерживать красных у Бузулука, но они скоро отошли несколько дальше; Оренбург остался не связанным железной дорогой с Уфой, и вообще связь с ним была затруднительна.

Значение удержания нами Уфы для Оренбурга было очевидным, а потому в Уфимский район Дутов⁴ направил оренбургские казачьи части, принявшие затем участие во всех боях за Уфу. Будь эти части в Самаре, Самарский район не был бы оставлен так быстро. Уральские казаки оказались как бы изолированными в своей борьбе и кое-как начали налаживать снабжение из Омска. Сибирская армия⁵ в это время вела активные бои севернее Екатеринбурга, который считался надежно обеспеченным.

Что делалось в глубокой Сибири в отношении формирований, какие задачи поставило новое правительство в создании силы, в какой срок, как выполняются задачи — нам было неизвестно. Знали только о мобилизации. Пополняли ли мобилизованные действовавшие отряды или формировались какие-то новые, точно было неизвестно; знали, что в Челябинске генерал Ханжин⁶ формировал корпус из двух дивизий и двух кадровых бригад. Летом имелись сведения, что формирование к осени будет закончено, а несколько позже, что формирование задерживается недостатком одежды и вооружения.

В смысле политики и после избрания Директории Уфа не ушла от нее совершенно; Комитет Учредительного собрания из Самары перебрался в Уфу, а затем в Екатеринбург; в Уфе остался «Совет управляющих ведомствами территории Учредительного собрания» с уполномоченным правительства Знаменским во главе. Комитет действовал как местная краевая власть с широкими правами. Из

Екатеринбурга члены Учредительного собрания скоро были насильно удалены и часть из них с Черновым во главе привезена чехами в Уфу.

Вскоре после оставления Самары и прибытия в Уфу штаба Поволжской группы⁷, переименованного в штаб Самарской группы, командующим этой группой был назначен генерал Войцеховский⁸, работавший до этого времени на Екатеринбургском направлении, а генерал Чечек⁹ уехал во Владивосток. Начальником 1-й Чешской дивизии должен был быть полковник Швец, но он застрелился в Белибее. Ясных причин не установлено, но самоубийство можно приписать развалу чехов, а 1-го полка в частности, так как полковник Швец тяжело переносил перемену настроений, сильно отразившихся и на взаимоотношениях. Начальником 1-й Чешской дивизии был назначен полковник Воженилек, работавший под Самарой на Николаевском направлении. Назначение генерала Войцеховского в Уфу безусловно сыграло большую роль в смысле выигрыша времени; оборона затянулась.

Надо сказать, что к этому времени чешский арьергард у Бугуруслана чуть ли не впервые получил удар от большевиков, которые устроили неожиданное нападение на них в вагонах, очевидно плохо охраняемых. Арьергард бросил вагоны и с потерями, спешно, частью по железной дороге, а частью кружными путями отошел почти к Белибею; стоило много труда заставить остановиться их у станции Абдулино и не обнажать совершенно направления. Чехи к этому времени почти требовали немедленного отступления и, когда им приказали сосредоточиться у Белибея, не желали свертывать от главной магистрали к городу Белибею. Даже такой отличный полк, как 1-й, и тот был в брожении, и только после смерти полковника Швеца, произведшей большое впечатление, вопрос о сосредоточении как будто разрешился благоприятно.

Уход в это время чехов поставил бы в скверное положение группу Капшеля, действовавшую севернее в районе Бугульма — река Ик. Сменить же чехов было нечем, так как здесь из русских частей была только часть батальона Учредительного собрания да Самарский конный дивизион под начальством члена Комитета Учредительного собрания Фортунатова¹⁰. Сыровой¹¹ от Челябинска или, вернее, начальник штаба генерал Дитерихс¹² обещал присылку новых уральских частей в первых числах декабря. Нужно было удержать на фронте чешские части хотя бы до 1 декабря.

Генерал Чечек уже до некоторой степени потерял влияние на своих людей и не смог объединить все силы в этом районе, совер-

шенно различные по природе. А кроме того, и политическая обстановка была весьма сложной. Генерал Войцеховский был начальником штаба 1-й Чешской дивизии еще в 1917 году; был затем командиром 3-го полка и командующим Екатеринбургской группой войск в месяцы первых наших успехов. Под его руководством было организовано выступление в Челябинске и освобожден Троицкий район. Он пользовался большой популярностью среди чехов и, получив назначение, добился переброски из-под Екатеринбурга в Уфу батальона и конной батареи. Кроме того, было обещано подчинение ему 1-го Польского полка под начальством опытного командира полковника Румша.

Сразу же по прибытии генерал Войцеховский поставил совершенно определенно вопрос об участии чехов в действиях против большевиков до 1 декабря; начальнику дивизии и всем прибывающим чешским командирам полков объявлялась предстоящая задача — о сосредоточении в Белибее с целью маневра — как дело решенное, которое никто изменить не может. И даже те командиры, которые пытались представить свое мнение о невозможности активных действий при существующем настроении, замолкали и уходили к себе, чтобы готовиться. Все это в отношении чешских частей. В остальном нужна была работа — использовать все, что возможно, для обороны.

Задача для уфимского командования была совершенно ясной: удерживать Уфу возможно дольше, чтобы дать возможность Уралу закончить работы по формированию и сосредоточить новые части в зависимости от обстановки. Удерживать активно, ибо оборона в Гражданской войне — гибель. Потеря Уфы была весьма чувствительной, особенно для Оренбургского района; решено держаться упорно, но все же местные власти были предупреждены о необходимости эвакуации всего нужного к половине декабря.

Генерал Войцеховский был встречен в Уфе русскими сначала не особенно доверчиво, но скоро все знали, что в порученном ему деле он действительный, предусмотрительный хозяин, не упустит случая для удара по большевикам и не позволит никому вмешиваться в военное дело. Хозяйственную сторону, вопросы снабжения, он поручил начальнику штаба, а сам занялся вопросами оперативными. Учет сил, обстановку на фронте во всех деталях, вопросы связи и прочее он знал хорошо; малейшие изменения докладывались ему днем и ночью немедленно; использование всяких возможностей для ударов, использование личных свойств разнородных войск и их начальников не требовало каких-либо докладов подчиненных. В свое время

получалось письменное или словесное личное распоряжение, всегда совершенно определенное. Были жалобы войск лишь на постановку задач, часто трудных, иногда непосильных.

В смысле увеличения сил он не стал на ту точку зрения, которая была в тылу, в Челябинске и Омске. Там говорили о формировании батальона Учредительного собрания, русско-чешского полка и конного дивизиона под начальством члена Учредительного собрания, эсера Б.К. Фортунатова, как о чем-то преступном, направленном во вред делу. Там довольно презрительно отозвались о Народной армии, несмотря на работу на Волге Каппеля; там признавали за единственную силу, способную что-либо сделать, новые дивизии, формируемые в тылу, под защитой Народной армии.

Фронт требовал использования всего, что брало винтовку, независимо от партийной окраски; сформированные в тылу части были еще где-то далеко, и мы в них по опыту не так верили, как в создававшие. Там не было командного состава, требуемого особыми условиями Гражданской войны. И Войцеховским было дано разрешение на формирование русско-чешского полка, так как это обещало приток добровольцев. Все части были одинаково ценными и ценимыми. В отношении гражданской власти (Совета управляющих ведомствами из членов бывшего Комуча и представителя чешского Национального Совета) генерал Войцеховский поставил себя совершенно независимо; никто из подчиненной ему группы не имеет права распоряжаться без него, без его разрешения; он же исполняет лишь приказы главнокомандующего фронтом.

Весь октябрь после оставления Самары прошел в мелких боях; в первых числах ноября группа полковника Каппеля была оттеснена красными за реку Ик и вела бои на линии примерно Белибея. Полковник Каппель задерживался, переходя в короткие контрудары, но противник был сильнее его. К этому времени красные части уже действовали в новых соединениях — дивизиях.

В распоряжение полковника Каппеля был послан только что сформированный 1-й Польский полк, прибывший броневик англичан и, сколько помнится, небольшая часть оренбургских казаков. Чехи сосредоточились в Белибее, имея авангард впереди у Абдулина. Немедленно по сосредоточении чехов было решено нанести удар красным, наступавшим от Бугульмы, с одновременными действиями вдоль Бугульминской железной дороги и от Белибея.

В десятых числах ноября генерал Войцеховский оставил часть своих сил в распоряжении начальника 1-й Чешской дивизии для обеспечения Самарского направления у Абдулина, а сам взял непо-

средственное руководство маневренной группой из семи чешских батальонов в районе Белибея. Маневр должен быть таков: полковник Каппель активно обороняется в центре на железной дороге и выделяет часть своих сил для удара в левый фланг красных с обходом их с севера. Сам генерал Войцеховский сосредоточивал чешские части в гористой местности (Верхне-Троицкий завод близ Белибея) и бил частью сил прямо в правый фланг красных, а частью сил выходил им в тыл в направлении на Бугульму. Маневр блестяще удался. Продолжался он дня четыре (все действия между 13 и 10 ноября). Красные втянулись в ловушку, ничего не зная об угрозе с юга со стороны Белибея; обойденные на обоих флангах, после упорных боев в центре, бежали, бросая пулеметы, и выбрались в сторону Бугульмы лишь благодаря условиям местности и тому, что район маневра для наших сил оказался слишком велик. Много позже мне пришлось читать разбор этого маневра в Красном военном журнале; неудача объяснялась превосходством сил белых. На самом деле это было не так. Чешские части в последний раз дрались отлично; ударному батальону в одной из деревень ночью пришлось пустить в ход ручные гранаты. Все распоряжения выполнялись точно и хорошо.

После большого успеха требовалось доконать противника — гнать его и не давать устроиться в Бугульме. Но тут-то чехи и заявили, что они согласились на наступательную операцию, выполнили ее добросовестно, а в дальнейшие действия ввязываться не желают и просят сменить их. В последние дни боев настали резкие холода, и некоторые чешские части начали страдать от холода, так как были легко одеты. Пришлось отказаться от использования в полной мере успеха боя. По опыту прежних боев нам было известно, что красные, оставленные в покое, залечат свои раны недели в две, и значит, около 1 декабря надо ожидать нового наступления. Чехи после этой операции были не защитники фронта, и поэтому началась отправка эшелонов в тыл по очереди, установленной генералом Войцеховским.

Чехи уходили, а новых сил не было. Уральцы (6-я дивизия¹³) еще не приходили; их обещали к 1 декабря, но они запаздывали. Приходилось оставить Самарское направление на конный дивизион Фортунатова, батальон Учредительного собрания и послать только что сформировавшийся в несколько рот русско-чешский полк. В начале декабря начали прибывать новые уральские части — два полка 6-й Уральской дивизии. Увы, это не была дивизия, это была только часть ее, и притом, по нашей оценке, малобоеспособная; офицерский со-

став, начиная от командиров полков, был призван по мобилизации и имел все грехи мобилизованных, и главный из них — осторожность в обращении с мобилизованными солдатами, несмотря на строгие уставы. Эта осторожность сказалась и в подготовленности.

Кроме того, условия Гражданской войны в это время года требовали особых приемов для успеха. Выпал глубокий снег, начались морозы, бои стали сводиться к боям за жилье, и успех имел тот, кто был подвижнее и настойчивее. Люди прибыли без валенок, что совсем не позволяло выжидать противника. Кажется, один из полков этой дивизии был сначала послан в Бирск, так как противник угрожал Уфе с севера через этот пункт, а другой пошел на смену чехам в район Белибея, позже оба полка соединились. Чехи ушли. На фронте остались лишь русские части, английский броневик, польский полк и так называемый русско-чешский полк, в сущности русский, так как в нем были только офицеры чехи.

В первых числах декабря красные, оправившись после операции в ноябре, стали настойчиво нажимать как на Бирск, так и на Бугульминское направление. На Самарском направлении тоже началось оживление. Нужно иметь в виду, что во второй половине ноября красные снова захватили Ижевский завод и имели возможность надавить на Уфу с севера особенно сильно. Этот нажим был чувствителен особенно, так как при успехе принуждал бросать и Бугульминское, и Самарское направления.

В ноябре и декабре в районе Бирска и севернее шли ожесточенные бои с переменным успехом, кончившиеся перед оставлением Уфы занятием красными Бирска. Декабрь месяц для групп, действовавших на Бугульминском и Самарском направлениях, был временем ежедневных боев за деревни, которые часто переходили из рук в руки. На Самарском направлении молодые уральские части не выдержали хорошо экзамена, и здесь пришлось опираться на прежние части — учредиловцев и русско-чешский полк, которые были слабы по численности.

Полковнику Каппелю пришлось смотреть и на юг; в первой половине декабря он два раза бил красных маневром; один раз, когда красные заняли Белибей, он оставил на своем участке часть сил и в жестокие морозы ударил польским полком на красных. Они бежали и дали некоторое время передышки на этом направлении. Выбив красных из Белибея, ему пришлось проделывать такой же маневр на север, так как оставленные им на участке части подались назад. Так шли бои в первой половине декабря, когда в тылу перематывались последствия Омского переворота в пользу адмирала Кол-

чака; когда новая власть окончательно разделялась с учредилловцами, а те частью уходили в подполье, частью же начинали сговоры с большевиками.

Переворот в Омске был полной неожиданностью в Уфе; там в это время находился прибывший на несколько дней член Директории и Верховный главнокомандующий генерал Болдырев¹⁴. Как уже раньше упоминалось, части Народной армии, дравшиеся на Волге, отнеслись к избранию правительства «всей России» равнодушно. До переворота Директория ни в чем не проявила своей работы и судьба ее мало кого интересовала. В отношении армии деятельность новой власти проявлялась только в некоторых производствах и во введении ношения погон. Между прочим, в Уфе было много против этой меры — даже генерал Войцеховский. Недостатки новой власти за ежедневной фронтовой работой не обсуждались. Поэтому на фронте просто удивились в первые дни перевороту. Даже ярые противники эсеров говорили: «Нашли время!» Помнится даже разговор по телеграфу с только что произведенным в генералы Каппелем, тот на сообщенную новость сказал что-то вроде, «что все это хорошо, но лучше бы прислали что-нибудь из тыла на фронт. А тут в своей среде еще могут быть недоразумения».

Для нас, находившихся в Уфе, первый вопрос был: надо не допустить на фронте никакой агитации, надо удержать все части на фронте. В этих целях генерал Войцеховский заявил Совету управляющих ведомствами требование не посылать никаких воззваний и не отдавать никаких приказаний помимо него. Не исполнившие будут арестовываться независимо от того, кто будет отдавать приказания. Кажется, был издан приказ. Совет управляющих ведомствами как бы подчинился этим требованиям, но пытался, конечно, разъяснить войскам «Учредительного собрания» происшедшее в своем духе. Кроме того, чехи в это время еще не ушли и была попытка произвести нажим через чехов, то есть представителя Национального Совета доктора Влассака. Попытка не увенчалась успехом, так как генералом Войцеховским было заявлено, что он исполняет указания только главнокомандующего, а чешские войска, пока они в районе Уфы, только командующего группой.

Вскоре появилось знаменитое обращение Омска ко всем, всем через головы даже старших начальников об аресте учредилловцев, где бы они ни оказались. Это приказание в Уфе войскам передано не было — как вносившее раздор, а также не было сразу и исполнено. Ни Директории, ни учредилловцев никто не жалел, но боялись осложнений на фронте. В то же время из Омска получались запр-

сы, что делают войска «Учредительного собрания», особенно Б.К. Фортунатов с конницей. Отвечали, что они на фронте продолжают нести боевую работу и никаких попыток уйти с фронта не имеют. Не верили и переспрашивали, ибо в Омске, по-видимому, об этом раздувались невероятные сведения.

Между тем положение, конечно, было ненормальным. Появилась новая власть, поддержанная большинством русских войск, требовавшая немедленного устранения всяких враждебных группировок; такая группировка была и в Уфе. Она не имела силы и авторитета, но все же считала себя краевой властью, не складывала оружия и зывала. В Уфе находились чехи; генерал Войцеховский был на службе чехов и просил указаний Сырового. Тот заявил о невмешательстве и их не давал, очевидно под влиянием Национального Совета. В конце концов, не получая указаний, генерал Войцеховский, кажется, заявил, что просит освободить его от чешской службы с тем, чтобы получить возможность действовать иначе. Все это разрешилось прибытием из Челябинска эшелона 41-го Уральского полка со специальной миссией арестовать всех членов Учредительного собрания, бывших в Уфе. Те, предупрежденные кем-то об опасности, большею частью скрылись. Охрана Комуча поискам не противодействовала, чехи тоже. Часть членов Учредительного собрания укрыли чехи. Так кончилась эта борьба явно, но началась тайная работа эсеров против адмирала Колчака.

Мы не отдавали, по-моему, полного отчета в последствиях происходящего — не думалось, что ушедшие и даже скрывшиеся эсеры начнут взрывать новую власть. В то же время мы видели, что новой власти будет трудно работать в среде разных сепаратистских стремлений: через Уфу проходили телеграммы оренбургские. Из них мы видели, что атаман Семенов¹⁵ имеет что-то против адмирала Колчака и не желает подчиняться. Атаман Дутов убеждал его не вносить рознь.

В середине декабря, после ежедневных боев, наш фронт медленно приближался к Уфе. Мы считали, что не позже 20 декабря придется оставить Уфу. Тут имела значение и угроза с севера, а также ежедневные постепенные отходы. Решено было дать еще один бой красным с переходом в наступление, а затем действовать в зависимости от результатов. Для выполнения этого решения собрали все, что могли. К этому времени в Уфу прибыл 47-й полк 12-й Уральской дивизии¹⁶, которая должна была позже прибыть на фронт вся. В Уфе находилась только что прибывшая французская батарея из колониальных войск. Стояли жестокие морозы; прибывшие люди 47-

полка были без теплых вещей, а французы мерзли, несмотря на шубы, теплую обувь и теплые шапки.

Операция эта была разыграна у Чишмы и не увенчалась успехом; наступление противника было несколько задержано, но чувствительного удара нанести не удалось. 47-й Уральский полк понес значительные потери обмороженными, так как, участвуя в бою первый раз, довольно долго лежал на снегу. Обвиняли Каппеля, что тот неправильно его использовал, но, вернее, виновата была неподготовленность командного состава к боям зимой. Позже в составе дивизии этот полк научился драться зимой и неоднократно заставлял красных мерзнуть на снегу под своим огнем. Французы не принесли никакой пользы, так как артиллерии вообще-то было достаточно, а в этих боях она не могла быть использована, так как в эти дни стояла морозная мгла. Каппель скоро просил освободить его от этой артиллерии, так как она требовала больших забот о ней, а пользы не приносила.

После нерешительных результатов этой операции было решено: задерживать противника насколько возможно и подготовиться к обороне фронта уже за Уфой приблизительно на линии ст. Иглино. Для обеспечения Оренбурга с севера в район Табынска отправлялась часть оренбургских казаков. На севере из района Бирска войска должны были отходить частью на восток в район Байки, частью на юго-восток, для обеспечения правого фланга войск, назначенных в район Иглина. В последних числах декабря Уфа была оставлена.

Оборона участка за Уфой была возложена на остатки 6-й Уральской дивизии, прибывшие два полка 12-й дивизии и 41-й полк 11-й дивизии¹⁷, под начальством командующего 12-й Уральской дивизией полковника Бангерского¹⁸. Правый фланг обеспечивался отрядом Молчанова¹⁹, выделенного от Бирска. Части генерала Каппеля должны были пройти в тыл для укомплектования; вслед за ними должен быть отправлен к своему Уфимскому корпусу отряд Молчанова. Дальнейшее продвижение противника на Урале от Уфы должны были сдерживать мобилизованные уральские части и оренбургские казаки.

Ко времени оставления Уфы сказалась организация нового военного центра в Омске. Адмирал Колчак принял верховное командование. Из войск, действовавших на Уфимском направлении, была образована Западная армия²⁰ с генералом Ханжиным во главе. В армию входили 2-й Уфимский корпус²¹, 3-й²² и 6-й²³ Уральские корпуса, около двух бригад оренбургских казаков. Правда, что в это время корпуса были корпусами только по названию; корпусами они стали более-менее только к весне, и, кроме того, они не были еще сосредоточены в своем районе. Части генерала Каппеля командование За-

падной армией хотело сначала свести в полк, но затем после длинных разговоров решено было их развернуть тоже в корпус.

Здесь следует отметить, что, несмотря на 7 месяцев героической борьбы на фронте частей генерала Каппеля, в Челябинске у нового командования, создавшего под прикрытием их свои полки, было какое-то странное к ним отношение. Заслуги их почти не ценились, а говорилось, что их надо подтянуть; офицеров, работавших в Самаре, почему-то считали эсерами; как будто лучше было бы, если бы в Самаре никто не выступал на борьбу или сразу бы заспорили о приемлемости той или иной власти. Все это потому, что новые уральские формирования, до выхода их на фронт, внешне производили хорошее, даже блестящее впечатление, походя на старую армию. Позже пришлось воспользоваться частями того же генерала Каппеля, «учредилуцами», для приведения в порядок некоторых из этих челябинских формирований.

На участке за Уфой сначала были только один 41-й полк 11-й Уральской дивизии, два полка 12-й Уральской дивизии 6-го корпуса и два полка 6-й Уральской дивизии 3-го корпуса. Временно приказано было объединить все части командиру 6-го Уральского корпуса. Правый фланг по-прежнему обеспечивался отрядами Молчанова из состава 2-го Уфимского корпуса. Генерал Войцеховский получил отпуск, штаб Самарской группы расформировался; мне предложено было быть начальником штаба 6-го корпуса.

Оставление Уфы имело большое значение для Оренбурга, который открывался для действий с севера через Стерлитамак. В смысле дальнейших действий в тылу у нас был Урал с трудными проходами через него зимой и, значит, как будто удобный для обороны; но для успеха обороны вообще, а в Гражданскую войну в особенности, нужен больше всего хороший дух в войсках и активность. Дух у мобилизованных был не крепок; надо было укрепить его. Для активности местные условия были не совсем благоприятны.

Потеря Уфы на общем нашем Восточном фронте была вознаграждена взятием Сибирской армией Перми с громадным количеством запасов и пленных. Большой успех как бы покрывал неудачу; Сибирская армия ликовала. Забывалось, что надо бить врага в наиболее чувствительном для него месте. Осень и часть зимы 1918 года в Уфе вспоминается теперь как время нашей дружной работы всех войсковых частей, независимо от их партийной окраски, по удержанию фронта. Большая заслуга в этом принадлежит генералу Войцеховскому. Уфа продержалась гораздо дольше, чем мы ожидали в октябре по обстановке и у нас, и у противника.

Зима 1918—1919 годов на Урале и весеннее наступление 1919 года

Зима 1918 года на Восточном фронте была для советской власти и для Омска временем подготовки для решительной схватки весной. От успеха зимней подготовки и весенних операций зависело все будущее. К январю месяцу чисто военная обстановка на Восточном фронте была благоприятной скорее для Омска, чем для советской власти, так как оставление Самары и Уфы на южном, левом фланге вознаграждалось крупными успехами на севере, в Пермском районе, и, кроме того, дальнейшее распространение красных на южном участке было остановлено. На Юге России тоже шла подготовка к весеннему наступлению.

Советская власть еще осенью 1918 года провела свой план организации вооруженных сил; мелкие отряды перестали существовать, появились пехотные дивизии и кавалерийские бригады. В пехотных дивизиях по плану должно было быть три бригады по два полка действующих и одному запасному. На самом деле большевики были принуждены держать на фронте все девять полков дивизии. Для управления всеми силами против нас был создан Восточный фронт во главе с Каменевым (полковник Генерального штаба, во время Германской войны был начальником оперативного отделения штаба 1-й армии, затем в 1917 году командиром 30-го полка, позже генквармом и начальником штаба 3-й армии до демобилизации). Фронт делился на несколько армий. Сведения о силах красных, организационных работах, недочетах и внутреннем состоянии у нас имелись всегда достаточные; когда же организация Советской армии вылилась в определенные формы, стало легче следить за переменами.

По этим сведениям, большевики справились с организацией пока, так сказать, наружно. Подготовка армии, ее внутреннее состояние были еще весьма плачевными. Началась работа по введению в частях коммунистических ячеек, но она еще не была проведена и не дала результатов. Мобилизованный командный состав был запуган предшествующим годом и присматривался, пассивно предоставляя комиссарам наводить порядок в частях, а иногда выжидал случая для перехода к нам. Мобилизованные солдаты воевать не хотели, так же как и у нас, и разложение частей со скандалами было явлением не редким. Советская власть широко развила пропаганду; она действовала, но не на всех.

Помнится, еще в ноябре, во время операций под Уфой, к нам привели около 200 пленных, еще не переодетых как следует. Это

была типичная деревенская молодежь, которую свободно могла использовать и та и другая сторона при соответствующей подготовке командного состава. Старая истина «Сила армии в ее командном составе», казалось, была в глаза. Советская власть уже с лета 1918 года поняла это и постепенно, насколько позволяла обстановка, начала поднимать всячески авторитет командного состава, а также заботиться о подготовке его. До благоприятного разрешения этого вопроса было еще далеко, но первые шаги были сделаны и имели значение для будущего.

О каких-либо особых мерах по подготовке командного состава в Омске для фронта мы не знали. Слышали только о какой-то образцовой школе во Владивостоке, но это было так далеко. Какие задачи ставил перед собой Омск на зиму, как и когда предполагал выполнить намеченное, какие помехи были на пути, нам на фронте было неизвестно. Задачи нам представлялись так: 1) Удержать за собой занимаемый фронт. 2) Подготовить пополнения в армейских районах для фронтовых частей. 3) Подготовить в тылу резервы на случай колебаний фронта и для удара весной. 4) Снабдить фронт и эти части всем необходимым.

Покойный адмирал Колчак неоднократно заявлял, что для него успехи на фронте — это главное, и, значит, ясно представлял, куда должны быть направлены все усилия работы. Как будто задачи понимались правильно и дело было лишь в выполнении намеченного во что бы то ни стало, и в срочном выполнении. Дальнейшее показало, что Омск к весеннему нашему выступлению, как центр военного управления, почти ничего не сделал.

Выполнение первой задачи лежало на наличных фронтовых частях. Нужно было лишь помочь им всячески в трудной работе, особенно обращая внимание на укрепление духа. Вторую задачу должны были выполнить армейские тылы под руководством командующих армиями. Для облегчения работы командующим армиями были подчинены определенные соответствующие тыловые районы, каждый во главе со своим начальником округа. Тыловые районы каждой армии простирались до Иртыша, а дальше был район военного министра. Кто знает, насколько важна подготовка пополнений, организация, отправка их в части, снабжение их, тому понятно, что эта задача требовала громадных забот и центральной власти, и армейского управления, требовала самых энергичных людей для проведения работ. Третья задача должна была выполняться под непосредственным руководством центра, будь то Ставка или военный министр. Сроки выполнения должны были быть подчинены общим предположениям о работе вес-

ной. Наконец, четвертая — снабжение — должна была служить предметом особых забот центра с главным вниманием дать прежде всего необходимое фронту и пополнениям. Дать хотя бы главное, основное: продовольствие, одежду, патроны. Какие трудности лежали на пути выполнения этих задач, нам известно было только в отношении фронта. Верилось, что к весне все будет преодолено.

Позже, летом 1919 года, мне пришлось ознакомиться с постановкой дела по подготовке пополнений в армейских районах и снабжению их. Знакомство привело к заключению, что надежды наши на фронте были слишком оптимистическими. Тыловой армейский район Западной армии не смог вовремя дать людей Волжскому корпусу Капшеля и подготовил только «курень Шевченко», сыгравший впоследствии столь печальную роль в судьбе весенних операций.

Когда я перебрался из Уфы на новое место службы (ст. Тафтиманово), где мы должны были задерживать продвижение красных на восток, то особой веры в прочность нашего положения у меня не было; не было ее и у генерала Войцеховского. Думалось, что возможен отход к проходам через Урал и что там, вероятнее всего, удастся удержать противника. Но закупорка себя в проходе была опасна тем, что не давала никаких возможностей для активных действий и ставила нас в тяжелое положение в смысле размещения. Единственный крупный пункт у входа был Аша-Балышевская, но он оказался бы почти на самом фронте. Поэтому решено было держаться возможно ближе к Уфе, а на случай вынужденного отхода были намечены 2-я и 3-я линии деревень, которые еще оставляли нам место для активной работы в течение зимы.

Мы ясно осознавали, насколько важно для общей обстановки удержаться без отходов, и потому с тревогой ожидали результатов первых столкновений с красными после оставления Уфы. Большевики в Уфе торжествовали; они засыпали фронт газетами, воззваниями. Наши добровольцы к этому времени частью уже ушли в тыл, оставались лишь части из мобилизованных. Удастся ли задержаться? Только бы в первые дни успех, а там все пойдет хорошо, так как успех дает уверенность в крепости, поднимает дух!

Первые же бои показали нам, что нашу задачу выполнить будет трудно, но все же возможно. Слабые части 6-й Уральской дивизии не удержались на своем участке, несмотря на благоприятные местные условия, и отошли на намеченную ранее 2-ю линию, а два полка 12-й Уральской дивизии под начальством полковника Бангерского, один из них понесший большие потери под Уфой, при содействии артиллерии и броневиков отлично справились со своей задачей и, от-

бив наступление, нанесли большие потери красным. Севернее нас шли бои нерешительного характера; видно было, что наш северный заслон не отойдет скоро далее намеченных районов и рубежей. Раздраженные неудачей, красные неоднократно пытались добиться успеха против 12-й Уральской дивизии и оренбургских казаков, но только несли потери. Уверенность людей в себе и вера в своих начальников облегчала оборону.

Тактика такой обороны была весьма простой: снег был очень глубокий и не допускал на большом расстоянии движения вне дорог; красные подпускались к деревне на расстояние действительного огня, где их заставляли огнем развернуться в глубоком снегу и залечь. Морозы стояли сильные, и потому выдержать такое лежание долго было нельзя, а подвигаться вперед трудно. Начинался отход с большими потерями, так как артиллерия яростно преследовала огнем отступающих. В советских газетах мы читали позже измышления, что деревни, на которые вели атаки красные, были обращены чуть ли не в крепости.

К сожалению, не все части так уверенно оборонялись. Части 6-й Уральской дивизии, наоборот, потеряли всяческую уверенность в себе, и мы были принуждены вывести их в тыл для укомплектования и обучения. На место их начали прибывать остальные полки 11-й и 12-й Уральских дивизий, но не сразу, а постепенно. Первое время и у нас, и у соседей севернее (Уфимский корпус) вовсе не было резервов, так как мы отправили в тыл все части, не входившие в корпус, и потерявшую боеспособность 6-ю Уральскую дивизию. У соседей севернее части пополнялись на месте из жителей Урала. Мы принуждены были сразу же по прибытии отправлять части для усиления фронта, так как красные, не переходя в общее наступление, старались оттеснить нас на восток на отдельных участках.

К концу января фронт наш как бы окончательно закрепился на известной линии. Мы имели возможность располагать все части с резервами западнее выходов из гор. Наиболее угрожаемый для нас участок был северный, так как красные при успехе ставили в затруднительное положение весь наш центр, а особенно южный участок, где были оренбургские казаки, далеко в горах, с еле проходимыми дорогами в тылу. Красные это, конечно, понимали и в феврале начали давить с севера от Красного Яра, Шады в направлении на наш ближайший тыл — Аша-Балышеская.

Несмотря на то что мы выдержали первые натиски, что закрепились на выбранном фронте, время было все еще тревожное; в завтрашнем дне уверенности не было до самого наступления в начале марта. Причин к этому было много. Главные:

1) Советская власть энергично агитировала. Помимо газет, воззваний, проникали и агитаторы. Появилось воззвание ушедших в Уфе «в подполье» или, вернее, решивших работать с советской властью некоторых членов Комуца (Веденяпин, Вольский и др.). Здесь было все: и «наемники мировой буржуазии», и «помещики, попы, капиталисты», и «белогвардейцы», и «золотопогонники» и т. д. Агитация эта на наших добровольцев не производила никакого впечатления. Мобилизованных же легко было сбить с пути, особенно в тех полках, где офицерство было пассивное, со слабым духом, вышедшее на фронт тоже по призыву, а не по собственному желанию. Почва для успеха агитации всегда была: неудача, усталость, неисправная доставка продовольствия, плохое размещение, неравномерное распределение службы, недостаток в теплых вещах и т. д. Агитаторы били в одну точку: «уходи с фронта, кончай воевать; Советская власть даст всякие блага».

Контрагитации почти не было. Первое время даже армейская газета присылалась неисправно, люди питались ориентировкой ближайших штабов. Громадное значение приобретали личные способности командиров полков и умелый подбор им помощников. Там, где в полку находилось несколько офицеров, сработавшихся в смысле контрагитации, было все хорошо; где этого не было, можно было ожидать всяких осложнений.

Трудно было внедрить в сознание массы задачи белой власти, так как сама власть не всегда одинаково о них говорила. Ясно было одно — надо бороться с большевиками, а что же дальше? Сильнейшим противоагитационным средством было бы полное упорядочение снабжения фронта и наличие резервов для смены частей. Но упорядочение снабжения, несмотря на наши ежедневные вопли, шло слабо: не хватало то одного, то другого. Местных средств не было, надо было все подвозить с тыла; нуждались в подкармливании железнодорожные служащие. В башкирских деревнях трудно было выпекать хлеб. Железная дорога работала, но были большие заминки: были поэтому неисправности в доставке продовольствия. Жалованье не выплачивалось исправно: одно время присылались деньги такими крупными билетами, что их никак нельзя было раздать. Теснота размещения в большинстве была страшная; появились заболевания тифом.

Части прибывали на фронт прекрасно одетыми, но не для сибирской зимы. Нужны были валенки и полушубки, хотя бы для сторожевых постов. Все это доставлялось неисправно. Особенно трудным было снабжение оренбургских казачьих полков, действовавших в горах, где население само ничего не имело. Наконец, намеченный план прибытия на фронт частей выполнялся неисправно, почему могли быть уп-

реки в обмане: «Говорили, что смена прибывает тогда-то, а ее нет». При всех этих условиях, помимо боевых случайностей, постоянно сидело в голове: выдержим ли зиму? Тревоги были не напрасными: один из полков, ранее успешно дравшийся, однажды самовольно ушел в тыл и был остановлен угрозой открытия огня броневиками. Две роты с частью пулеметной команды ушли дальше и кружным путем стали пробираться домой. Были остановлены, по приказу командира корпуса, близ Симского завода добровольцами Каппеля, арестованы и жестоко наказаны. В других полках были мелкие непорядки.

2) Неодинаковая подготовка командного состава и солдат. Одни быстро освоились с особенностями войны зимой при глубоком снеге; другие мучили себя, людей и ничего не достигали. Особенно много хлопот доставила нам 11-я Уральская дивизия, которая должна была действовать в лесистом районе. Движение было возможно только по дорогам, и, казалось бы, здесь легче обороняться; но появился жупел «лыжники», которыми люди иногда пугали себя без всяких оснований. Инструкции с указанием приемов борьбы, разъяснения — ничего не помогало. Нужно было учиться на успешных действиях и для этого создавать подходящие условия. Сверху ставились мелкие задачи, которые должны были постепенно выполнять дивизии, полки, причем для успеха требовалась самая тщательная подготовка.

12-я Уральская дивизия, оренбургские казаки на южном фланге в горах целым рядом удачных мелких действий не только расстраивали противника, но заставляли его тащить туда резервы с участков, которые намечались для удара весной. В одной из советских дивизий (20-й) началось разложение, заставившее снять ее часть с фронта. Были случаи перехода к нам целых команд из этой дивизии. Другая наша дивизия, 11-я, несмотря на то что противник перед ней был слабее, так и не сумела научиться. Одна операция на Биаз, к которой готовились чуть ли не с неделю, предпринятая с превосходными силами, кончилась неудачей, а в дальнейшем было трудно ожидать перемен к лучшему. Скоро красные, выяснив наше слабое место, начали нажим против этой дивизии и к моменту нашего перехода в наступление были близко от железной дороги, что грозило нам задержкой операции на этом участке.

13 февраля 1919 года в район корпуса прибыл Верховный Правитель адмирал Колчак; в этот день 12-я Уральская дивизия, перейдя в наступление, имела успех на фронте, захватив у красных орудия, пулеметы и пленных. Адмирал на броневике доезжал до охраняющих частей и посетил некоторые деревни вблизи от железной дороги. Просили устранить некоторые недостатки снабжения, вроде присылки денег

исключительно тысячными билетами. Последнее безусловно влияло на настроение фронта.

К концу февраля фронт у нас и у соседей севернее оставался приблизительно на прежнем месте. У нас был угрожаемый северный участок, но все же мы надеялись справиться. Противник, как уже упоминалось выше, хотя и пытался наступать, но принужден был два раза в течение последнего месяца усиливать свой участок против Уфы за счет ослабления своего северного участка, где армией предполагалось нанести главный удар весной. И тогда, и после операции было неясным для нас, знало ли красное командование о сосредоточении двух наших корпусов — 3-го Уральского и 2-го Уфимского — на севере для весеннего удара. Во всяком случае, расположение их резервов перед операцией показывало обратное: как будто они опасались наступления вдоль железной дороги или сами собирались добиться здесь успеха, прежде чем мы перейдем в наступление. О предполагаемом весной наступлении мы знали давно и к нему готовились, не знали точно только срока. Предполагалось начать его в конце февраля, но оказалось возможным только 5 марта.

В общих план весенних операций мы в корпусе посвящены не были, и мне до сих пор не ясно, чего именно хотела Ставка, какую общую идею она стремилась осуществить. По ходу событий можно предположить, что Ставка хотела бить красных, но определенной оперативной идеи сама не имела и предоставляла армиям двигаться вперед по своему усмотрению, санкционируя армейские планы.

Нам в Западной армии было ясно, что мы должны двигаться примерно в тот же район, где мы начинали борьбу, то есть в Самарский. Это отвечало и предполагаемой общей идее наступления — соединению с Деникиным. Имея эту цель, мы должны были выполнить целый ряд частных задач: разбить противника в Уфимском районе, помочь Южной армии²⁴ выйти из Уральских гор, изолировать нашим наступлением красных в Оренбургском районе и т. д. Южная армия должна была выйти южнее*, разбив противника в Оренбургском районе и связавшись с Уральском.

Предполагая, что общая идея есть соединение с Деникиным, для чего требовался выход на Волгу южнее Симбирска, казалось, что и Сибирская армия, тогда наиболее сильная, должна будет оставить на своем северном направлении лишь заслон, а главными силами или значительной частью сил способствовать успеху на наиважнейшем направлении. Этот план, по-нашему, был наиболее целесообразным и выполнимым. На самом деле, как потом стало ясно, армии двинулись вперед изолированно, выполняя каждая свой план.

Для выполнения ближайшей задачи — овладения Уфимским районом — план в нашей армии был такой: сосредоточенные севернее железной дороги Златоуст—Уфа в районе Байки наиболее сильные части армии — 2-й Уфимский и 3-й Уральский корпуса — должны стремительно сбить красных перед собой и двигаться правым флангом на Бирск—Чишмы, а левым на Уфу. Удар был успешным. Красные начали отступать. Преследование было стремительным — на санях. Правый фланг армии начал продвигаться в день по 30—35 верст, угрожая пути отступления красных вдоль железной дороги. 7 марта тронулись и наши части в метель, по глубочайшему снегу.

13-го была занята Уфа. Противник отошел частью вдоль железной дороги, частью на юго-запад. Соприкосновение с противником местами было потеряно из-за метели, глубокого снега и трудности поддерживать связь. Перед началом операции каждый корпус, как полагается, получил свою полосу для движения и приготовился действовать. Мы должны были пройти Уфу правым флангом и дальше двигаться в общем направлении на Давлеканово.

После занятия Уфы мы перебросили на свой левый фланг 11-ю дивизию, так как ей уже нечего было делать на правом, а с другой стороны, полагали, что левый фланг нужно иметь более сильным как для развития удара, так и для обеспечения на случай контрманевра красных со стороны Оренбурга и Стерлитамака. Корпуса шли вперед на очень широком фронте, и поэтому перемена первоначального направления была трудной. После занятия Уфы командование армией вместо безостановочного преследования выделило, во-первых, себе в резерв Ижевскую бригаду²⁵ и один полк от нас, а затем распорядилось окружить группу противника близ Уфы действиями с севера от Чишмы частей 2-го корпуса и с юга нашими левофланговыми частями.

Сложные маневры вообще редко удаются; не удался и этот, и не только не удался, а части перепутались, и нужно было три дня, чтобы они были готовы для дальнейших действий. Большое значение имело в этом время года: зима, дни короткие, глубокий снег. В результате красные, принужденные к отходу маневром, но не разбитые, успели устроиться на новом фронте и начали оказывать упорное сопротивление. Завязалось длительное, на большом фронте типично армейское сражение без длительного результата, причем чем дальше затягивалось решение, тем больше выигрыш склонялся на сторону красных: им подвозились резервы, с прибытием их начинался контрманевр, к нам никаких резервов не прибывало, и, наконец, приближалось весеннее половодье. В одном месте наши правофланговые части продвинулись

вперед далеко, в другом — другие подавались назад. Выход почти в тыл красным одной из дивизий армии не сдвинул их; они начали давить с юга со стороны Оренбурга на наш левый фланг и угрожать всему нашему фронту.

К концу марта обстановка в центре армии и на левом фланге становилась даже угрожающей; в центре деревни переходили из рук в руки и был случай захвата у нас артиллерии. На левом фланге красные несколько дней подряд вели атаки на растянутую 11-ю Уральскую дивизию и оренбургских казаков; атаки отбивались, но положение было тяжелое. В конце концов армейское командование решило пустить в дело армейский резерв — ижевцев и один полк 11-й дивизии — 41-й. Наступление свежих сил — ижевцев, шедших в атаку с особенным молодецеством, повернуло в центре успех в нашу сторону; соседние с ним части тоже смогли начать продвижение.

Около 30 марта началось отступление красных на всем фронте; они пытались задерживаться, но это уже не удавалось. Мы получили задачу — повернуть часть сил на Стерлитамак, чтобы облегчить выход из гор Южной армии, перехватить отступавшие перед ней части и угрожать Оренбургу. Продвижение к Стерлитамаку шло очень быстро; 5 апреля 12-я Уральская дивизия, с приданными ей оренбургскими казаками, была уже в Стерлитамаке; южнее из гор выходили части Южной армии. В Стерлитамаке мы получили приказание спешно перебросить 11-ю Уральскую дивизию на левый фланг 3-го Уральского корпуса, то есть в прежнюю полосу корпуса, а с остальными частями двигаться на Михайловское (Шарлык) — Богородское, куда отходили красные с Уфимского фронта и из гор. Казаков приказано было двинуть рвать дорогу Оренбург — Бузулук.

Корпус разбрасывался на громадном фронте перед половодьем. Движение в новом направлении пошло тоже быстро. Красным не давали передышки посаженные на сани небольшие отряды с пулеметами. Но вскоре движение стало затруднительным. Снегу было страшно много, весна была дружной, между гор (Общей Сырт) появились заторы. Мы начали купаться; обозы и артиллерия отставали; парки совсем отстали, и мы не смогли подтянуть их к боям после Пасхи. 11-ю Уральскую дивизию на левом фланге 3-го Уральского корпуса приказано было двигать прямо на Бузулук; когда началась ростепель и было выяснено, что за дивизией не может идти ни артиллерия, ни обозы с патронами, получено указание: идти хоть без артиллерии, чтобы не отстать от соседа справа, подходившего к Бугуруслану.

14 апреля мы еле-еле перешли реку Дема и остановились в селе Богородском, откуда красные только что ушли. Дальше двигаться бы-

ло нельзя. Сообщение между частями, поддержание связи стало совершенно невозможным во время половодья. 11-я Уральская дивизия на несколько дней оторвалась. Приходилось ждать, когда спадет хоть немного вода, чтобы выправить расположение частей, подтянуть артиллерию, обозы и проч. Еще во время преследования противника, на одном из переходов по испорченным дорогам, мы встретили небольшую колонну пополнений, направленную армией за нами в корпус. Люди были большей частью в своей одежде, некоторые в валенках. Сопровождавший эту партию офицер объяснил, что ему в штабе армии дали на несколько дней денег для корма партии и указали маршрут. С большим трудом удалось пристроить этих людей к ближайшей части. Со страхом думалось, что если за этой партией следуют другие, то они просто будут болтаться в пространстве долгое время и едва ли скоро попадут куда им указано. Да и настроение у них не могло быть хорошим.

Половодье прервало на время возможность каких бы то ни было действий, по крайней мере на неделю; воды в оврагах было столько, что у нас были несчастные случаи с конными ординарцами — тонули с лошадьми. Нужно было ожидать стока воды. Половодье прекратило на время не только действия и связь; оно прекратило и подвоз продовольствия. Занятый нами район был богатый, можно было некоторое время кормиться местными средствами; крестьяне встретили нас хорошо, но через несколько дней начались жалобы на самовольство частей, неправильную разверстку требуемого и т. д., началось недовольство и сравнения с красными: «тоже требовали». Мы старались платить, но, конечно, расценка не всегда удовлетворяла крестьян. Был еще один большой вопрос: одежда и обувь. Мы начали преследование в полушубках и валенках и очутились весной в половодье далеко от железной дороги без сапог и без шинелей. Да и запасов-то в корпусе не было, так как сапоги обещали давно, но не давали. Вид людей был угнетающий. Своими средствами помочь горю не могли, несмотря на всю изобретательность некоторых войсковых начальников.

После остановки красных перед нами были сначала сведения, что они приводятся в порядок в Шарлык (Михайловском), а затем, что туда прибывают еще части, действовавшие ранее против Оренбургской Южной армии, кажется, 24-я дивизия, без артиллерии, которая перевозилась куда-то по железной дороге. Так же как и мы, они выжидали окончания половодья, но в это время перебрасывали по железной дороге пополнения и части для контрнаступления.

Еще половодье не кончилось, как в руки к нам попали ценные документы, из которых совершенно ясны были дальнейшие планы

красного командования. На Самарском направлении предполагалось удерживать во что бы то ни стало район Кинеля, а в район Бузулука должны быть переброшены части из-под Оренбурга и Туркестанская армия для удара с юга в левый фланг наступавших. Первый удар должен был получить ослабленный 3-й Уральский корпус и наша 11-я Уральская дивизия, без артиллерии и весьма слабая к этому времени по своему численному составу. К ней направлялись пополнения, по-видимому, в том же состоянии, о которых сказано выше. Кроме того, специально для действия против нас сосредоточивалась в Михайловском (Шарлык) особая ударная группа Павловского, сильно превосходившая нас численно, с большим количеством пулеметов и сильной конницей. Сосредоточение должно было закончиться еще раньше начала половодья, но запаздывало: некоторые части застряли в дороге.

Сведения эти с большим трудом были переданы в штаб армии и соседям. В штабе армии отнеслись, по-видимому, к этим сведениям не особенно доверчиво; очевидно, не верили в возможность организации контрудара. Мы получили приказание разбить группу Павловского, не ожидая окончания половодья. Мы были слабее, но решили выполнять приказ свыше о переходе в наступление при первой возможности, надеясь, что красные не успеют собрать все свои силы.

Наступление было неудачным и сильно подорвало дух бойцов, слабых численно и действовавших по грязи и воде, одетых во что попало. Через несколько дней попытка сбить противника была повторена, но здесь мы воочию убедились, что 24-я дивизия не разложена, богата пулеметами и что нам бороться с ней будет трудно. Немного позже начали оправдываться все полученные нами данные об организованном, общем наступлении красных. Наша разведка давала сведения о занятии красными пунктов сообразно с намеченным ранее планом контр-наступления.

Нас принудили скоро к обороне, а затем и к отходам, сначала медленным, а затем и более быстрым, так как отступление всегда расстраивает части. Все же мы еще надеялись справиться с задачами, приблизившись к железной дороге и получив подкрепления. В Бугульминском районе наша слабая 11-я Уральская дивизия, получившая задачу обеспечения левого фланга 3-го Уральского корпуса, продержалась недолго и была принуждена к отступлению. Наши правобережные части в это время были далеко впереди и угрожали Кинелю. Момент был решительный — требовалось величайшее напряжение на всем фронте, так как в этот момент один из обходящих мог превратиться в обойденного и разгромленного.

У нашего командования крупных армейских резервов не было, чтобы противостоять маневру, продолжая свой; влитые пополнения, подошедшие в половодье в разложенном состоянии, не могли помочь делу, а местами начали переходить к красным или даже содействовать им. Подошедший в район западнее Абулина украинский полк «курень Шевченко» был двинут на участок 11-й дивизии, в наиболее угрожаемое место; днем этот полк был радостно встречен, как поддержка, а ночью он выставил пулеметы против своих соседей и штаба дивизии и пытался захватить насильно командный состав штаба 11-й дивизии для передачи красным. На другое утро курень был в рядах врагов. Это, конечно, страшно повлияло на дух измотанных уже частей.

Надежд на скорую поддержку или смену не оставалось. Вообще терялись надежды на тыл. Численность дошла до 200—300 человек в полку, совершенно раздетых, сменивших валенки на лапти или опорки. Мы притянули на свой левый фланг оренбургских казаков и усилили этим пехоту. Но фронт уже начал подаваться назад, и с каждым днем все быстрее. К нам прислали отряд партизан, кажется, на ст. Приютов, но в нем были элементы совершенно развращенные и непригодные для боевой работы на фронте. Это ли было причиной общего отхода, или еще были и другие, мне неизвестно, но началось общее отступление всей армии — начало общего конца всего Белого движения, крушение надежд, возлагавшихся на весну.

А ведь во время половодья корпуса получили задание — двигаться к Волге при первой возможности. Наш корпус должен был пройти через Бузулук и далее южнее Самары. Как представляла Ставка в это время свои силы и их состояние, предполагала ли пополнять их или двигать в наличном составе, мне лично неизвестно и до сих пор. Одно можно сказать, что армейское начальство своевременно получало донесение о положении. Рассчитывать на пополнение людей во время половодья можно было только при полном отсутствии ясного представления о разбросанности частей и о бездорожье. Наладить снабжение при таком состоянии дорог было тоже трудно. Значит, надеялись дойти до Волги в том виде и составе, в котором застало половодье. Какие же основания были для столь радужных надежд — сказать трудно. Единственное предположение — советские силы, энергия коммунистов в угрожаемые минуты были скинуты со счетов. Не верили, по-видимому, совершенно, что красное командование может справиться с задачами, поставленными в половодье по сосредоточению сил для противодействия нам.

Подробный разбор военных операций 1919 года когда-нибудь будет сделан; односторонне он был сделан в советских органах. В

общем, он подтверждает, с одной стороны, критическое положение красных перед половодьем и энергичную работу для спасения фронта от окончательного разгрома, пользуясь временем половодья. И у них как бы все висело на волоске; и у них были люди раздеты, а пополнения брались прямо в ряды из деревень насильно. В итоге всего приходилось думать не о развитии успехов, а о другом: надо было во что бы то ни стало, во первых, задержаться где-то и, во-вторых, собрать силы для того, чтобы взять снова в руки инициативу.

На севере в это время внешне обстояло все хорошо. Сибирская армия своими группами выдвинулась на правом фланге почти к Глазову, а южнее прогнали большевиков за Каму к реке Вятке. Что там было внутри войск, как относилось население к войскам, как пополнялись части, в каком положении они очутились весной, нам было неизвестно. Сводки говорили о продвижениях, газеты разбирали операции и делали выводы на будущее самого радужного свойства. Почему хотя бы часть Сибирской армии не была своевременно направлена для содействия Западной, так и осталось для нас неизвестным.

Примерно в Абдулине, где мы получили сведения о переходе к красным украинцев и о влиянии этого перехода на настроение наших частей, мы получили сведения о сосредоточении Волжского корпуса²⁶ Каппеля в районе Белибея для смены на Самарском направлении наших частей; узнали также о переорганизации армии и переменах в командном составе. Каппель вывел с фронта свои части в январе и после долгих прений разместил их в районе Челябинска для переформирования выведенных кадров в корпус. Кадрами он был богат, и кадрами надежными; нужно было произвести лишь некоторую чистку от элементов хулиганствующих. Как ни странно, под руководством Каппеля объединялись группы, имевшие ранее на фронте эсеровскую окраску. Корнет Фортунатов формировал конный дивизион. Стоило бы пополнить Каппеля людьми из районов, сочувствующих борьбе, дать лошадей, снаряжение — и остов мог бы превратиться в грозную силу весьма скоро. Вооружение для пехоты и артиллерии было налицо, так как Каппель вывез с фронта значительные запасы.

Не зная обстановки в тылу зимой 1919 года, трудно сказать, что тормозило работу, но, безусловно, к весне корпус готов не был. Уже на фронте я слышал лично от Каппеля, что ему сначала предполагали дать пополнения из внутренних округов Сибири, находившихся в ведении военного министра, но там затянулся призыв, и он ничего не получил. Уже потеряв надежду на получение пополнений из тыла, он поздно стал получать их в районе армии. Для укомплектования

пришлось даже прибегнуть к выбору людей среди пленных красноармейцев и вовсе не разбирать, из каких районов получены мобилизованные.

Нужно иметь в виду, что Сибирь, стоявшая далеко от фронта, была настроена вовсе не воинственно, мобилизованные если и являлись по призыву, так это не значит, что шли охотно против большевиков. Сибирь еще в большей степени, чем Поволжье, была ко времени переворотов не тронута большевиками. Еще в городах кое-кто пострадал, а деревня стояла далеко от влияния большевиков. При этих настроениях деревень уже зимой 1919 года в тылу начали создаваться внутренние фронты под влиянием агитации и различных причин. Тут были и мобилизация, и большевистская пропаганда, и работа эсеров после переворота адмирала Колчака. Все это не могло не влиять на настроения укомплектований. Внешне за время реформирования корпуса все шло хорошо, но внутри было не совсем так. Каппель надеялся, что его надежные кадры поглотят всех шатающихся и даже красноармейцев. Может быть, это и было бы так, если бы времени для работы было больше и если бы не пришлось выступать на фронт до окончания работ, частями.

Мы получили сведения, что придет корпус из трех стрелковых бригад и одной кавалерийской. На этом прибытии строились все надежды изменить положение и даже начать снова наступление, так как красные не имели большого преимущества в силах и наступали в общем вяло, а силы корпуса Каппеля расценивались высоко и по численности, и по моральному весу. Пунктом сосредоточения был назначен район Белибея; командование армией, по-видимому, рассчитывало, что успеет перевезти весь корпус в этот район до отхода. Расчет оказался неправильным. Только одна бригада успела сосредоточиться, да и то очень слабого состава; остальным частям приходилось вступать в бой немедленно по разгрузке, и потому часть корпуса начала разгружаться в других районах.

Первой прибыла на фронт Симбирская бригада²⁷. Штаба Каппеля еще не было, и бригада временно подчинялась нам, причем ставилось условием не вводить ее в бой по частям, а использовать целиком. Мы ожидали бригаду минимум тысяч в шесть штыков и были разочарованы: насчитывалось около трех. Правда, и это было силой, так как наши пехотные части во всем корпусе насчитывали в это время гораздо меньше в двух «дивизиях». Мы решили использовать бригаду для активной задачи. Наши части к этому времени, несмотря на слабость, все же задерживали перед собой противника, главное внимание которого было устремлено на направление к Уфе,

на маневр фронтом на север с целью отрезать отход 3-го Уральского и 2-го Уфимского корпусов. Против нас действовал как бы заслон, не проявлявший в это время особой активности.

Чтобы обеспечить успех бригаде, мы сосредоточили ее полностью в тылу и назначили ей небольшой фронт для наступления; времени для разведки и ориентировки было дано достаточно. Сосредоточение бригады закончилось благополучно, и утром, кажется, 12 или 13 мая мы ждали результатов наступления. При успехе могли ожить наши части, могла быть создана угроза красным, облегчено положение войск, действовавших севернее нас, и, главное, закончено без помехи сосредоточение Волжского корпуса Каппеля.

К этому времени на фронт прибыл Каппель и принял командование на Самарском направлении всеми частями как особой группой. Наши части подчинялись ему; я временно должен был быть у него начальником штаба. Симбирская бригада поднесла нам страшный сюрприз, произведший ужасное впечатление на измотанные наши части, ожидавшие смены хоть для того, чтобы отдохнуть и одеться. Прибыла она великолепно одетой, люди выглядели хорошо, приказы выполнялись исправно — в общем, никаких подозрений. Вдруг утром приглашает меня к телефону начальник штаба бригады и встревоженным голосом говорит: «У нас несчастье, один полк целиком перешел к красным, захватив офицеров». Из наступления ничего не вышло. Это было для нас страшным ударом. Надежды на изменение положения начали колебаться. Как раз 13 мая вечером на ст. Белибей прибыл Верховный Правитель адмирал Колчак, смотревший части Казанской дивизии²⁸, высаживающиеся из вагонов. Доложили ему. Впечатление это на него произвело тяжелое; несколько истерическим голосом он сказал Каппелю, «что не ожидал этого, но просит не падать духом». Пришлось отказаться от активности и перейти к обороне.

Казанская дивизия сосредоточивалась в районе Белибея и должна была прикрывать направление севернее железной дороги. Ее постигла неудача на первых же порах. Полки, еще не успевшие разобраться в обстановке, были сильно потрепаны конницей красных, действовавшей в этом районе особенно энергично. Начальником конницы называли Каширина, но насколько это верно, сказать трудно, так как во время отходов всегда преувеличивались не только силы красных, но и их энергия. Высадившиеся части корпуса вовлекались в общий отход к Уфе, что было совсем скверно. Из частей 12-й Уральской дивизии решено было сменить с фронта два полка — всего около 500 человек — и послать их за реку Белую на укомплектование, а осталь-

ные оставить на фронте. Эти остатки полков в 500 человек с совершенно слабым офицерским составом должны были принять чуть ли не четыре тысячи пополнений, то есть не кадры поглощали пополнения, а они поглощались сами прибывающими.

Между прочим, Верховный Правитель на ст. Белибей выразил желание видеть части 6-го Уральского корпуса. Кажется, на ст. Давлеканово ему были показаны выводимые в тыл части 12-й Уральской дивизии. Вид их был ужасный. Часть без обуви, часть в верхней одежде на голое тело, большая часть без шинелей. Прошли отлично церемониальным маршем. Верховный Правитель был страшно расстроен видом; командира корпуса после упрекали, что он сделал это нарочно, чтобы оправдать последние неудачи на фронте.

Подробностей отхода частей к реке Белой, боев на Белой и восточнее я не знаю, так как скоро уехал из штаба Каппеля и получил новое назначение. Также не знаю точно, какими планами задавалось в это время армейское командование и Ставка. Но мне приходилось бывать в штабе армии в Уфе и говорить со многими ответственными лицами. Видел начштаверха генерала Лебедева²⁹, приезжавшего в Уфу, видел нового начальника штаба армии генерала Сахарова³⁰.

Как всегда после неудач, прежде всего начинают искать виновников, а затем начинаются различные переорганизации. Получивший на Пасхе благодарность и чин за действия Западной армии весной генерал Ханжин как будто не обвинялся открыто, но ему прислали новых начальника штаба и генерал-квартирмейстера; новый начальник штаба генерал Сахаров распоряжался всем так, как будто он был командующий армией. Ясно было, что генерал Ханжин выживался, вместо того чтобы прямо сказать о недовольстве. Тот скоро и ушел — после оставления Уфы. Предположения оправдались — был назначен генерал Сахаров.

Примерно в середине мая было решено все войска на фронте реформировать в группы: Волжскую³¹ — Каппеля, Уфимскую³² — Войцеховского и Уральскую³³ — Голицына³⁴. 6-й Уральский корпус расформирован с передачей дивизий в другие группы. Носилась мысль о сосредоточении сибирских казаков в районе Уфы и о направлении их в тыл красным: выводилась в районе севернее Уфы Уральская группа с 11-й дивизией для укомплектования и для перехода в наступление. Начались увольнения, перемещения. Начинаясь разлад между командованием на фронте и армейским, так как Каппель, Войцеховский, Голицын были на фронте с первых дней восстания, начав работу в небольших ролях, не привыкли к понуканиям и нуждались лишь в общих указаниях и ориентировке. Голицын скоро был уво-

лен. Этот период закончился попыткой армейского командования при работе нового штаба организовать сопротивление сначала западнее реки Белой, а затем на Белой.

Результаты были слабыми. В первом случае все предположения оказались необоснованными и несогласованными с временем и состоянием частей; успеха от маневра Уральской группы не получилось. Сибирские казаки под руководством генерала Волкова не оправдали возлагавшихся на них надежд. Во втором переоценили значение реки Белой как преграды. Армейское командование, видимо, подошло к этой оценке с меркой обычной войны, а не гражданской. В гражданской войне очень плохо удерживаются именно крупные пункты, хотя бы они имели хорошие укрепления или естественные преграды. На реке Белой были успешные боевые эпизоды, но, в общем, в первых числах июня Уфа была снова отдана красным — начался отход к Уралу и за Урал с мелкими ежедневными изнурительными боями.

Это было окончательной ликвидацией нашего весеннего наступления. Надежды на то, что положение скоро изменится, уже не было. В общем, все же положение всего дела не считалось безнадежно проигранным; надо было лишь принимать какой-то широкий план для дальнейшей борьбы. Где-то должны быть глубокие резервы, за Уралом громадные пространства — можно собраться с силами и ударить снова. Наступление весной показало, что отношение населения как к нам, так и к большевикам одинаковое. Нас встречали хорошо, иногда с радостью, но, увы, скоро начинались жалобы и на реквизиции, и на самоуправства, и просто на тяжесть военного постоя. На пути нашем из Уфы через Стерлитамак к Богородскому большевики при отходе безжалостно отбирали лошадей для подвод — нам ничего не оставалось. Население ругало их, проклинало; целые толпы крестьян попадались нам навстречу — они двигались за большевиками и старались вернуть лошадей. Иногда это удавалось. Там, где мы стояли долго, начинали ругать нас. Перебегали к нам крестьянские парни, только что перед нашим приходом мобилизованные в этой местности. Мы их отпускали домой, они с радостью уходили. Но когда их спрашивали, не хотят ли идти против большевиков, чистосердечно заявляли, что не хотят. Большевики в это время только что начинали вводить в деревне комбеды, которые еще не показали себя. Кажется, в Богородском приносили мне какие-то протоколы заседания сельского комбеда по вопросу об иконах. Было получено распоряжение из уезда выбросить иконы из помещений сельских советов. Какой-то комбед решил, что это исполнять не следует «по причине привычки населения к суевериям».

Какие же причины привели весной 1919 года к неудаче? Что нужно было сделать, чтобы избежать их? Какие ошибки были допущены в ведении самой операции? Одни говорят, что не надо было зарываться, а надо было ограничиться обеспечением Уфы; другие, что красных спасло половодье; третьи, что плохо действовали вообще на левом фланге и т. д. Причин было много, и только по изучении всей обстановки можно ответить на эти вопросы более-менее определенно. Нельзя делать выводы о всей операции, изучая только часть. Можно сказать лишь следующее:

1. Фронт дал полную возможность высшему командованию начать операцию по намеченному плану и подготовился к ней вполне, используя все свои средства: фронт блестяще выполнил свои боевые и маневренные задачи, но истощил свои силы.

2. Армейское командование и центр не подготовили вовсе сил ни для обеспечения от неожиданностей, ни для развития удара; в нужную минуту в руках командования не оказалось резерва. Почему не подготовили, были ли к этому уважительные препоны — это вопрос другой.

3. Армейское командование не справилось с вопросом о пополнениях частей и организации вообще запасных частей.

4. В самой операции план первого периода был задуман хорошо и проведен блестяще. Но почему после занятия Уфы большевики с 13 по 30 марта могли держаться близ Уфы? По изучении детально обстановки можно будет ответить на это, но мне, по имевшимся у меня во время операции данным, представлялось, что в этой задержке мы были виноваты сами; надо было по занятии Уфы не увлекаться окружениями, а продолжать движение без перемены направлений, стремясь не давать красным передышки. Даже выделение армейского резерва в этот период может считаться неправильным. Так как все дело было в быстром использовании первого успеха. Если бы передышки дано не было, конечно, мы до половодья могли бы сделать много, а главное, не потеряли бы столько людей.

5. Раз сражение близ Уфы затянулось и было выиграно с большим трудом, нужно было уяснить состояние своих частей и найти способ подкрепить их. Нельзя было перед половодьем разбрасывать их на громадном фронте, зная, что некоторое время они будут лишены взаимной связи и всякого подвоза. Преследовать противника можно было и авангардами; успех был бы тот же.

6. Опоздав с укомплектованием корпуса Капеля и с переброской, надо было сосредоточить его полностью, выбрав для сосредоточения пункт более удаленный от фронта так, чтобы не приходилось действовать по частям.

7. Воевали на фронте все время те, кто начал операцию; прибывшие пополнения не только не помогли, а местами принесли вред. Значит, обстановка в тылу была нездоровой.

8. Всегда, во всякой войне, дух бойцов имел первенствующее значение. Выше я говорил, как мы боролись за него зимой на нашем участке. Успехи мелких действий, а затем успехи весенней операции подняли его, и мы во время наступления уже не боялись за внутреннее состояние частей. Во время операции после занятия Уфы большие потери нанесли ему ущерб, но все же он был хорош. Надо было беречь его всемерно. Первый удар был нанесен прибытием раздетых пополнений, затем недостатками в снабжении (валенки и полусубки в грязь), а затем потерей надежды на смену, когда в полках у нас оставалось по 12—15 офицеров и 200—300 солдат и когда началась передача красным пополнений, а затем и целых полков. Слухи о таких событиях разносятся страшно быстро. Начались разговоры: «Значит, остаемся без помощи, пока всех перебьют». Когда началось общее отступление, то дух, конечно, упал и в частях наиболее крепких по командному составу. Здесь я должен коснуться одного вопроса относительно духа, весьма, по-моему, печального. Весной 1919 года, кажется, были аннулированы в Сибири советские денежные знаки в 40 и 20 рублей. «Керенки». Неоднократно от начальства я слышал потом, что это отразилось на стремлении идти вперед, так как люди лишались наживы. Ведь у некоторых пленных отбирались десятки тысяч, а сибирское жалованье было слабое и иногда неисправно выплачивалось.

Лето и осень 1919 года. От Уфы до Омска

Весенняя кампания, так блестяще начатая, кончилась проигрышем. «Порыв не терпит перерыва» — половодье остановило наше преследование, не дало нам ничего в смысле пополнений и снабжения, дало возможность советскому командованию произвести целый ряд перевозок войск с других фронтов для спасения положения, дало передышку. Экзамен нами не был выдержан; весенние операции были предприняты без достаточных сил для закрепления и развития успеха — вся тяжесть кампании легла на войска, бывшие на фронте к началу операции. Необходимость переэкзаменовки — скверная вещь вообще, а на войне в особенности. Потеряна инициатива действий, потеряно время, потеряны тысячи лучших людей, пострадала материальная часть. А самое главное — поколеблена вера в успех, подорван дух. Подорван дух

бойцов, и сразу же из всех щелей вылезают враги, до сих пор прятавшиеся.

После оставления реки Белой и Уфы, в первых числах июня, обстановка на всем Восточном фронте еще давала возможность вышшему командованию надеяться на успешный выход из положения в течение лета. Западная армия отходила с боями, задерживаясь на каждом рубеже, а иногда нанося короткие удары; Сибирская была все еще далеко впереди — правым флангом у Глазова, а левым на Каме; дальнейший отход Западной армии мог поставить ее в скверное положение, но, если бы она своевременно пришла на помощь Западной, большевики могли быть снова побиты на главном направлении.

Южная армия отходила, равняясь на Западную, против нее не было большого нажима. В армейском тылу было много людей в кадровых частях; в более глубоком тылу должны были закончиться начатые ранее формирования. Средств в Омске было достаточно; надо было лишь заставить всех работать. Требовалось немедленное решение центра, решение крупное, на большой период; надо было принять его и проводить в жизнь с железной энергией, не останавливаясь ни перед чем. Нам не было известно, что и как решено было в Омске и вообще принималось ли решение в широком масштабе, назначен ли какой-либо определенный план на лето. Во всяком случае, события летом показывали на какую-то постоянную смену различных решений. Твердой, направляющей руки, проводящей какой-либо определенный план, видно не было.

Действительно: в начале лета Западная армия отходит, а Сибирская остается как наблюдатель; зачем-то на несколько дней Западная армия подчиняется Гайде³⁵ — лишь для того, чтобы тот в приказе выгнал весь командный состав Западной армии. Если бы одновременно с подчинением Гайда выделил части своей армии для содействия или ударил вообще с севера во фланг наступающим красным, подчинение было бы понятным. Ни содействия, ни общего решения — и Сибирская армия скоро начинает отступать и быстро разваливается. Вместо помощи Западная армия скоро должна особенно внимательно смотреть за своим стыком с Сибирской армией, чтобы не попасть в скверное положение.

В общем, само собой напрашивается заключение, что Ставка в этот период не имела определенного плана, надеясь остановить красных полумерами и предоставляла армиям скакать, куда каждая хочет. Позже, с назначением генерала Дитерихса главнокомандующим, впервые как будто наметился определенный план (были све-

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

дения у нас). Но во время отхода Сибирской армии в намеченные районы Западная армия предпринимала самостоятельно операцию у Челябинска с использованием для нее последних резервов, причем Западная и Южная армии выходят временно из подчинения главнокомандующему.

Советская власть, оправившись от удара весной, а затем окрыленная успехами, поставила себе очевидной задачей внедрение в еще не тронутую настоящим большевистским управлением Сибирь. Не обращая особенного внимания на то, что Сибирская армия выдвинулась своим правым флангом до Глазова, она продолжала давить все более и более уверенно в главном направлении — в центре. В общей обстановке в начале лета обстоятельства ей благоприятствовали; на Южном фронте давление армии генерала Деникина еще не сказалось; в угрожающих размерах в Сибири со времени Омского переворота велась усиленная агитация против власти эсерами, которые в этом отношении сделали уже много, работая на большевиков. Требовалось решение в большом масштабе.

После неудач организации непосредственно сопротивления Западной армии на линии реки Белой нужно было думать о влиянии этих неудач как на Сибирскую армию, действовавшую на громадном фронте от Глазова до устья реки Белой, так и на Южную — в районе Южного Урала — Актюбинска. Какова была обстановка в этих армиях, нам точно не было известно, но, несомненно, обе армии ставились в тяжелое положение при дальнейшем отходе Западной. Если нельзя было использовать часть Сибирской армии для активной роли с целью восстановить положение и раз не было надежды на остановку продвижения красных, нужно было решиться на общий отход всех армий на какой-то фронт, выбранный так, чтобы сосредоточить там все возможное для перехода в наступление.

Как отходить? Можно было организовать медленный отход всех войск с задержкой противника на каждом рубеже и в это время где-то в тылу сосредоточивать войска, подготовленные для наступления. Этот образ действий мог дать наибольший выигрыш времени, но он страшно выматывал войска. В гражданскую войну отступление носит совершенно другой характер, чем вообще на войне. Здесь люди больше всего боятся быть поставленными в скверное положение при соседских неудачах и преждевременных отходах соседей — боятся попасть в плен. Ночлеги при отходах всегда тревожны, и даже случайная стрельба, особенно пулеметная, близ пункта ночлега ведет к переполоху, а иногда к спешному вступлению. Разведка противника и связь с соседями играют роль исключительную, и каждый начальник дол-

жен быть ориентирован в обстановке до мелочей. Становясь на ночлег, каждый начальник должен не по карте, а на местности изучить входы и выходы из населенных пунктов и путем самых тщательных опросов уяснить себе картину подступов к деревне. К этой, чисто военной стороне нужно прибавить еще, что отступление, понимаемое населением как неудача на фронте отступающей стороны, осложнялось иногда местными выступлениями под влиянием большевистской агитации.

Другой способ — вывод сразу из боя главной массы войск под защитой завесы, которая должна оказывать возможное сопротивление, — не давал такого выигрыша времени, как при медленном отходе, но при сплоченных частях более сохранял их, а главное, давал возможность и в пути, и по выводе лучше отдохнуть, пополниться и подготовиться. Меньший выигрыш времени получался потому, что разведка в гражданскую войну облегчена добровольными пособниками той и другой стороны, и, конечно, наступающий скоро узнавал, что перед ним. Раз завеса, начинал действовать энергичнее.

Я подчеркнул, что при этом способе сохранялись сплоченные части потому, что на несплоченные скверно влияет всякое отступление. Кроме того, нужно еще сказать, что на сохранение при отступлении всех вообще частей на Восточном фронте влияло в большей или меньшей степени, в зависимости от состояния их, то, что эти части создавались в покидаемой местности, там же пополнялись и, значит, уходили куда-то от своих домов.

При первоначальном отступлении от Белой в Западной армии, по-видимому, предполагалось задержать противника где-нибудь не далее Урала с тем, чтобы это не могло отразиться на фронте. Судить об этом можно по тому, что на ходу части продолжали пополняться и армия вела упорные бои на Урале. Когда же выяснилось, что на Урале не удержаться, по-видимому, решено было наметить какой-то пункт сосредоточения далеко в тылу и вывести части с фронта туда же. С назначением главнокомандующим генерала Дитерихса стало слышно, что будет отведена в район Тобольска—Ялотуровска Сибирская армия и что в районе Петропавловска будут сосредоточиваться как части Западной армии, отводимые с фронта, так и подвозимые из Сибири.

После оставления Уфы штаб Западной армии перешел на ст. Бердяуш. После городской суматохи можно было заняться армейскими делами более внимательно. Западная армия отходила медленно, задерживаясь везде, где можно, и переходя местами в короткое контр наступление. Красные усиленно устремились вклиниться в расположение между Сибирской и Западной армиями и давить на наш правый

фланг, где была Уральская группа — наиболее слабая в армии. Настроение в армии во время отхода было угнетенное, но все же не плачевное. Теплые летние дни скрашивали многое. Части при отходе пополнялись из кадровых бригад. Состав части был таков, что боялись переходов к красным, перемен фронта, больше ничего. Командующий армией генерал Ханжин скоро ушел — был назначен генерал Сахаров, как и ожидали.

И в прежней роли начальника штаба, и новой командующего генерал Сахаров в общем на ближайшее время ставил в армии задачи: 1) На фронте удерживать противника, переходя в частичное контрнаступление везде, где будет возможно. Какие задания давала армии Ставка, мне неизвестно. 2) Создать армейский резерв, сформировать Егерскую бригаду, Егерский батальон и немного конницы. 3) Пополнить части, выбрав все готовое из кадровых бригад и добившись снабжения их. 4) Выхлопотать из Ставки часть дивизий, сформировавшихся в тылу для того, чтобы иметь возможность сменять части или подготовиться к наступлению. 5) Переформировать офицерские пополнения. 6) Поднять работу органов снабжения в своем тылу и добиться упорядочения подачи всего из тыла. 7) Упорядочить состояние кадровых бригад, ускорить призыв людей и наладить посылку пополнений на фронт. Наладить более тесную связь в работе всех отделов штаба и тыловых органов. 8) Поднять дело пропаганды. 9) Разгрузить железную дорогу от громадного числа эшелонов, занятых различными штабами, полками, хозяйственными органами, организациями.

Пишу этот перечень, вспоминая то, что обсуждалось тогда и что проводилось в жизнь. Программа обширная, требующая для проведения не только решительных шагов, требовательности, постоянного контроля, но еще соответственного выбора исполнителей, дружной работы всех и каждого, поддержания духа пессимистов и еще достаточного времени и достаточных материальных и человеческих ресурсов. Увы, от программы до выполнения ее очень далеко. Генералом Сахаровым была проявлена исключительная требовательность, но остальное ему удалось лишь частично; многое осталось неосуществленными бумажными пожеланиями.

Фронт продвигался медленно на восток через Урал. Были возможности для нанесения ударов при отходе, но эти возможности ни разу не были использованы с значительными результатами. Штаб армии стремился держать в своих руках всякое движение войск и своими обычными директивами «упорно удерживать», «энергично перейти в наступление», «нанести стремительный удар» и т. д. не достигал же-

лаемого. Командующие группами, по рассказам Каппеля и Войцеховского, часто не успевали даже расшифровывать директивы и отдавали свои распоряжения самостоятельно, учитывая обстановку на месте. Были неприятные случаи с выступлениями рабочих на некоторых уральских заводах. В волжских и уфимских частях такие выступления не производили большого впечатления, а Уральская группа нервничала. Эта группа, действовавшая на крайнем правом фланге, окончательно выдохлась и была для красных скорее обозначенным противником, чем действительно «упорно обороняющим» свои участки. И это имело большое значение потому, что красные всячески пытались добиться успеха, вклиняясь между Сибирской армией и Западной.

Уфимская группа была сначала отведена в резерв и пополнялась. В первых числах июля, когда Уральская группа отошла через горный проход первой гряды Урала, был организован частный контрудар, не давший результата. Волжская группа шла южнее железной дороги, задерживаясь при всякой возможности. Местами она имела большие потери. Кажется, в районе Сатки бы убит знакомый нам всем сподвижник Каппеля с первых дней его выступления на Волге, капитан-топограф Максимов, сам пожелавший командовать строевой частью.

Вторая задача — создание своими средствами армейского резерва — вовсе не удалась. Она требовала большого времени и средств. Генерал Сахаров хотел это сделать чуть ли не в две-три недели, использовать прибывших из тыла офицеров и солдат, получивших подготовку во Владивостоке. В результате были сформированы зачатки бригады и егерского батальона. При штабе армии были организованы особые курсы для офицеров, присылаемых из тыла, и пленных. Режим был в них введен строжайший; может быть, и был бы толк, если бы было достаточно времени. Начали работу, кажется, две офицерские школы для подготовки офицеров и унтер-офицеров. Пополнения на фронте шли согласно намеченной программе, но, увы, без шинелей (одеяла вместо шинелей). Недостаточно было и винтовок. Впрочем, последнее мало огорчало армейское командование, так как официальные данные о наличии оружия в частях всегда грешили в меньшую сторону и обычно люди в частях вооружались. Беда была в том, что благодаря этим утаиваниям трудно было различить, где правда, где ложь, и совершенно нельзя было точно урегулировать распределение винтовок. Кадровые бригады продолжали пополняться мобилизуемыми в прифронтовом районе, но без надежды, что они будут одеты как следует, хотя бы к окончанию срока обучения. Ставка обещала дать Сибирские дивизии на фронт в июле по особому расписанию.

Громадной работы и энергии требовала железная дорога. С одной стороны, постоянно требовались срочные перевозки, а с другой — дорогу загромаждало громадное количество эшелонов, занятых различными штабами, хозорганами, организациями, беженцами, эвакуируемым имуществом. Пытались нормировать количество вагонов под крупные учреждения, принимались решительные меры для выбрасывания грузов из вагонов, а все же дорога была загромаждена. И чем далее фронт продвигался к Востоку, тем положение становилось катастрофичнее.

К состоянию тылов, вопросу о пополнениях я еще вернусь; здесь же должен добавить, что при проведении в жизнь всего намеченного генералом Сахаровым и его штабом, помимо бумажности некоторых расчетов, играли большую роль личные отношения к нему командного состава армии, а также личные качества генерала Сахарова. Как будто большинство начинаний и мер были правильны, а дело шло с трудом. Ему не удавалось стать авторитетом для всех в армии. Своей манерой обращения, подчеркнутым солдатским видом, внешними приемами он часто отталкивал, восстаивал против себя людей самых исполнительных; нужно было привыкнуть к нему, чтобы хорошо работать. К этому надо прибавить особую требовательность ко всем, чтобы все «делалось отчетливо», то есть подчеркнуто по-солдатски; чтобы армия была «регулярной».

Начавшие работу на фронте с первых дней Гражданской войны Каппель и Войцеховский относились ко многому из порядков иронически и иногда даже протестовали. Генерал Войцеховский позже даже ушел из армии Сахарова. К ушедшему генералу Ханжину относились совсем иначе; несмотря на мягкость характера, личный авторитет его стоял высоко, и командный состав как-то старался помочь ему, шел навстречу. Недостаток был скорее в определенных требованиях с его стороны. Это был свой человек, понимающий нужды фронта, личные особенности начальствующих, условия Гражданской войны, знающий историю всякой части.

Рознь эта, неприязнь, началась с самого начала появления генерала Сахарова в качестве начальника штаба и так осталась неизжитой до самого конца движения в Сибири. Корень этой неприязни лежал в том, что Войцеховский, Каппель и др. начали работу на фронте с маленькими отрядами, работали самостоятельно в самой переменной обстановке с различными силами и привыкли к тому, чтобы армейское командование было внимательно к их докладам, прислушивалось к ним. Новый командующий армией, его начальник штаба не были раньше участниками Гражданской войны и, став во главе воен-

ного управления, стали не только руководить, но и учить, понукать и даже внушать и т. д., часто совершенно не обращая внимания на особенности обстановки и смотря на все под своим углом зрения, преследующим все «нерегулярное» в армии. Кроме того, целый ряд мер нового командующего армией не встречал сочувствия, а иногда вызывал противодействие. Генерал Сахаров всячески добивался, чтобы все части армии были хорошо выправлены, внешне дисциплинированы (хорошо отдавали честь, отвечали и т. д.). Дисциплина во многих частях была своеобразно добровольческая, не поддававшаяся на понукания — в результате ряд недоразумений.

При штабе армии начал формироваться Егерский батальон, внешне страшно подтянутый, вымуштрованный, отлично певший песни — части с добровольческой закваской смотрели на все это несколько иронически. Генерал Сахаров при смотрах старался ходить так быстро, что за ним все бежали — и это считалось копировкой не кого иного, как Великого Петра.

Разросся Осведарм в дополнение к различным осведам при Ставке. К концу лета один поезд его уже не вмещал всего Осведа — столько было там людей. Это была попытка конкурировать в агитации с большевиками. Кроме агитации, Осведарм получил задачи и другие: он не только осведомлял армию и население, но имел своих агентов в частях, требовал донесений о всем происходящем вплоть до характеристики действий начальствующих. Это вызывало протесты командного состава, но безуспешно; позже мне приходилось читать характеристику моей собственной работы, штаба и командиров полков, посланную агентом Осведарма. Штаб армии хотел знать о состоянии частей не от подчиненного командного состава, а помимо, от своих агентов, предоставив им таким образом широкое поле для субъективных суждений. Если добавить, что в осведы старались пробраться эсеры, то впечатление от этой меры получалось скверное.

В Бердяуше, кажется в первой половине июля, мне пришлось быть членом военно-полевого суда по делу эвакуации Уфы. Преданы были суду интендант и два или три чиновника за бездействие власти и оставление имущества раньше времени. На общем фоне отступательной суматохи это были мелкие факты, и всякому преданному суду чину, конечно, трудно доказать невиновность при таком обвинении, как бездействие власти и упущения по службе при эвакуации. Никаких вопиющих преступлений суд не нашел — признал, что все недостаточно были тверды и решительны, волновались и заботились о вызове семейств. Основная причина неполной эвакуации имущества — запоздание с началом и затем несвоевременная подача обещан-

ных вагонов начальником военных сообщений. Последний только что принял должность и не смог выполнить своих первоначальных обещаний. В общем, суд приговорил обвиняемых за упущения и бездействие к каторге, но постановил донести до сведения командующего армией свое особое мнение, основанное на изучении материалов, что обвиненные — стрелочники в эвакуационной неурядице; командование армией и штаб запоздали с отдачей распоряжения, штаб взял себе под эшелоны значительную часть подвижного состава и, наконец, во время самой эвакуации сменил начальствующих лиц на железной дороге. Об этом мелком факте говорю потому, что обычно во время отступления за упущения в большинстве платятся второстепенные лица.

На ст. Бердяуш мне пришлось заняться вопросами о пополнениях для армии, их подготовкой, вопросами о новых формированиях и командном составе, так как около трех недель я временно занимал должность дежурного генерала Западной армии. До сих пор, только в должности начальника штаба корпуса, приходилось иметь дело с пополнениями, но все это была обычная фронтовая работа. Более-менее ознакомившись с положением, я понял, какие непрерывные внимание и забота требовались от армейского командования зимой, чтобы вышло что-нибудь с пополнениями. На подбор людей для руководства этим делом не было обращено никакого внимания — как будто это были какие-то второстепенные вопросы.

Управление дежурного генерала — хорошо налаженная канцелярия, не более. Дежурный генерал — докладчик бумаг на подпись и исполнитель указаний начальства, никакого подлинного знакомства ни с тем, что в тылу, ни с тем, что на фронте, ни с тем, как надо организовать подачу людей на фронт. Ничего, кроме добросовестного исполнения бумаг. А между тем дежурный генерал должен быть в курсе событий на фронте в такой же мере, как и генерал-квартирмейстер. Главный начальник тылового округа в своей большой, по закону, работе был совершенно оторван от фронта и даже не был в курсе происходящего на нем. У него кадровые части, их снабжение, у него различные отделы по снабжению (заготовительные), у него в ведении различные частные организации, работающие на оборону, и он работает почти вне связи с командованием армии.

Западная армия в своих кадровых бригадах имела до 40 000 человек, призванных в начале лета, и, кроме того, люди еще прибавлялись дополнительными мобилизациями. Число людей в бригадах разное, состояние разное, снабжение не одинаковое, количество командного состава не регулируется. Нет общей программы для подготовки, не

поставлены определенные задачи со сроками и пр.; в бригадах масса нужд, дыр, без устранения которых работа идти не может. Бригадные начальники вопят о нуждах, каждый из них старается выйти из положения по-своему. В одной бригаде нет вовсе винтовок для обучения, обучаются с берданками; в другой ни одного пулемета; во всех нет совершенно шинелей — даже для обученных и отправляемых на фронт. Учет обученных и готовых к отправке слабый; боевая подготовка слабая — кончившие обучение выпустили при обучении не более 5—10 пуль в мишень. Отправка без определенного плана и иногда без предупреждения фронтовых частей о прибытии. Нет какого-нибудь выработанного порядка для посылки пополнений в части, удаленные от железных дорог. Маршевые роты испытывали иногда громадные лишения, чтобы попасть в назначенную часть. Все это, конечно, поправить в короткий срок было нельзя. Много было даже непоправимо.

Генерал Сахаров уделял тылу и пополнениям много внимания. Беда была лишь в том, что он часто нервировал людей напускной требовательностью и манерой обращения. Непривычные старались попасть в тон, чтобы считаться исправными. Но все же работа несколько оживилась, пополнения начали отправляться не случайно, а по заранее составленному плану. Между прочим, несмотря на все наши старания, так и не удалось получить и приготовить для всех маршевых рот шинели, и люди приезжали на фронт с одеялами вместо шинелей. Такие одеяла днем носили скатанными, а ночью как плащи. Вид людей был совсем не воинственным. Всего в июне было подано на фронт, кажется, до 11 тысяч человек. Люди шли в порядке — плохо было то, что они вливались во время отступления.

Отступление деморализует самые крепкие части, как же оно влияло на полки, в которые вливалось до половины людей. Еще зимой 1919 года мы хлопотали, чтобы при каждом корпусе или даже дивизии на фронте был маршевый батальон для того, чтобы можно было присмотреться к пополнениям и подготовить их к переходу в строй частей. Это был бы приемный пункт, контролирующей подготовку, располагаемый недалеко в тылу. Так мы и не добились разрешения и принуждены были затем обстановкой заводить временные маршевые батальоны. Оказывается, не мы одни просили об этом — были такие же просьбы из других корпусов. В штабе армии мне говорили, что Ставка не хотела давать штатов для таких батальонов.

Генерал Сахаров быстро провел эту меру. Организация новых частей для фронта, подготовка командного состава, специалистов тоже шли как-то случайно. Никаких резервов офицеров с отбором их не было. Это было уже совсем непоправимо. Попытки формирования

близ Бердяуша, в Сатках, Егерской бригады не дали положительных результатов. Материальную часть, хозяйство нельзя создать из ничего, несмотря на всю требовательность начальства. Нельзя скоро спаять в частях людей, собранных отовсюду; люди привыкают друг к другу у котла, если они не земляки. Тылы фронтовых частей, несмотря на убыль людей в рядах, оставались большими. В обозах II разряда находились семьи. Для точного выяснения размера тыла не раз предпринимались ревизии; боевой состав страшно расходился с цифрой ртов. Сопоставление цифр боевого состава и числа ртов во всей армии давало еще большую разницу. На 25 000 штыков было до 140 000 кормящихся. Решено было использовать вовсе многочисленных чинов для поручений при штабе армии для учета тылов и для безжалостной затем урезки. К сожалению, все это было во время ежедневных отходов и не могло принести полностью хороших результатов.

В конце июня я был назначен помощником главного начальника снабжения Западной армии; моей задачей было быть при штабе армии с небольшой рабочей частью от всех органов снабжения, заботиться о том, чтобы фронту все подавалось в срок без промедления, и регулировать передвижения армейских тыловых учреждений в связи с переменами на фронте. Управление главного начальника снабжения было громоздкое, неприспособленное к фронтовой работе и отводилось в тыл, где занималось кредитами, сметами, разбором претензий, подсчетами и пр. Заготовительных функций оно не имело; их имел отчасти главный начальник тылового округа. Я не знаю, как распределялась работа по снабжению армий между военным министерством и тыловыми округами; судя по тому, что нам давалось, точного разграничения работы не было, а потому в тыловом округе занимались всем и ничем. Интендантство как будто имело свои мастерские, заводы и пр., но давало армии от своей выработки очень мало. Инженерное ведомство ведало разными артелями на местах, но у нас никогда не было достаточно повозок и телег — приходилось покупать или реквизировать. Много было «ободьев для колес» — в каждом эшелоне можно было видеть загруженные платформы.

Роль моя ограничивалась требованиями от тыла, наблюдениями за перевозкой, распределением, подачей в группы и согласованием находений разных запасов с боевой обстановкой. Мы скоро наладили все это, но, конечно, не могли добиться получения всего необходимого вовремя и из округа, и из глубокого тыла. Я не знаю точно, как была организована заготовка снабжений в тылу, но знаю, что организация была сложной и громоздкой. При армии был представитель министерства снабжений, который должен был заботиться о подаче

продовольствия. Не будучи в курсе всего происходящего на фронте, он мало помогал и часто только создавал затруднения.

На ст. Бердяш мы простояли целый июнь, затем в первых числах июля несколько дней стояли на ст. Миас и, кажется, около половины июля прибыли в Челябинск. Обстановка на фронте к этому времени была для нас весьма неблагоприятной. Сибирская армия отходила почти не задерживаясь через Екатеринбург на Камышлов и Шадринск и притом при отходе морально разваливалась. Большинство состава армии распылялось. 16 июля был оставлен Екатеринбург и на фронте оставлены арьергарды. Рассчитывать на какое-нибудь содействие Сибирской армии не приходилось. Наоборот, с каждым днем отхода положение становилось все более и более угрожаемым. Западная армия должна была смотреть на север.

Западная армия выходила из Уральских гор сильно ослабленной. Уральская группа существовала только на бумаге, хотя ей и ставили обычные для группы задачи. Уфимская и Волжская группы, хотя и не слабые, но все же выходили с потерями. Казачьи Оренбургские отряды не могли дать много, хотя и объявили поголовную мобилизацию. Ставка направляла к Челябинску Сибирскую дивизию и, кажется, еще одну дивизию в Южную армию, но эти дивизии имели дефекты и в снабжении (англ. артиллерия) и в личном составе. Южная армия, видимо, отбрасывалась на юг, на Орск.

При этой обстановке решено было попытаться вырвать из рук красных инициативу переходом в наступление Западной армии в районе Челябинска с расчетом, по-видимому, на полный разгром красных, бывших против Западной армии, и распространение затем успеха на север и юг в районы Сибирской и Южной армий. Одним словом, с расчетом на спасение положения силами одной Западной армии.

Если вообще можно было рассчитывать на какой-то успех, то шансов на полный разгром, с расширением влияния успеха далеко в стороны, по-моему, не было; слишком незначителен был подготовленный для удара кулак, и предположения грешили переоценкой сил своего правого фланга — Уральской группы. Если бы еще Сибирская армия давала возможность устремиться вперед, не озираясь на нее? А сведения оттуда были весьма безнадежные. Кроме того, инерция отхода была уже так велика, что повернуть части для решительного удара являлось одной из труднейших задач, требующих времени.

А раз нельзя было рассчитывать на полный успех, стоило ли начинать сражение? Думается, что не стоило. Думается, что и армейское командование должно было так смотреть на положение, но, очевидно, считало полный разгром возможным или увлекалось. «Западная армия

спасает положение, Западная армия берет в руки инициативу» — это ли не заманчиво! Я не знаю, как смотрели на эту операцию сверху. Слышал, что будто бы против нее был новый главнокомандующий генерал Дитерихс. Во всяком случае, она состоялась, причем для объединения действий Западной и Южной армий приезжал генерал Лебедев — начальник штаба Верховного главнокомандующего.

Вопрос о том, почему Челябинская операция состоялась, почему для нее были использованы давно ожидавшиеся глубокие резервы, кстати еще сырые, всегда интересовал меня, и теперь я достоверно знаю, кто является творцами ее. Оказывается, что генерал Дитерихс после назначения главнокомандующим решил оставить на фронте арьергарды, а большую часть армии отвести за реку Ишим, там пополнить и затем примерно в первых числах августа перейти в наступление. В наступлении должны были принять участие и те дивизии, что формировались за Иртышом, кажется, три.

План был одобрен или утвержден адмиралом Колчаком, и генерал Дитерихс выехал в район бывшей Сибирской армии для непосредственного руководства отходом ее частей. Вот в это время и была проведена Челябинская операция генералом Лебедевым и Сахаровым, которые сумели доказать адмиралу Колчаку необходимость операции и решили на свой риск и страх изменить обстановку, использовав для этого Западную армию и последние резервы. Генерал Дитерихс протестовал, но операция была начата, причем Западная и Южная армии были временно изъяты из его подчинения.

Решено было дать сражение у самого Челябинска. Центр должен удерживаться вблизи города, а оба фланга перейти в решительное наступление. Штаб армии отправил свой эшелон на ст. Чумляк, и командующий армией с частью штаба перешел в город. Такой переход для непосредственного управления был бы хорош, если бы заранее была установлена связь с группами и все знали, где они и что искать в городе. Кроме того, у командующего армией почти не было резерва, чтобы влиять на исход боя и обеспечить себя от случайностей. Кажется, 24 июля завязались бои. Кое-где был успех, но частичный. Решительного успеха не было. Почти сразу можно было считать, что операция ничего не даст, кроме некоторого выигрыша времени, купленного дорогой ценой.

Красные, побитые местами, подались назад. На правом же фланге, ввиду продолжающегося отхода Сибирской армии и слабости Уральской группы, они скоро оправались и начали давить, создавая угрозу для наших частей, выдвинувшихся вперед на юге. Начался отход с боями. Особенно упорные бои были в центре вдоль железной дороги. Участво-

вавшая в боях Сибирская стрелковая дивизия скоро окончательно потеряла боевое значение, так как уже в первом бою она была совершенно растрепана: большая часть людей сдалась в плен.

Ожидания, основанные на слабом, преступно-легкомысленном оптимизме, не оправдались. В результате громадные потери в только что пополненной Западной армии, уничтожение столь долго ожидаемых резервных дивизий и срыв плана главнокомандующего. Дальше надо было искать других решений. Южная армия оторвалась от фронта и отбрасывалась на юг.

После Челябинской операции Западная армия, понесшая большие потери, но все еще не окончательно обессилевшая, с боями отводилась на Курган. Скоро стало известно, что вверху решено было сосредоточивать все, что возможно, в районе Петропавловска с тем, чтобы оттуда перейти в наступление. Западной армии ставилась задача выделить в тыл не менее четырех дивизий, а остальными задерживать движение противника. Сибирская армия, переорганизованная в 1-ю³⁶ и 2-ю³⁷, должна была пополниться и подготовиться к переходу в наступление в районе Тобольска—Ялуторовска. Южнее Западной, переименованной в 3-ю³⁸, должна была собраться Степная группа³⁹ с сибирскими казаками с генералом Ивановым-Риновым⁴⁰ во главе. У красных к этому времени обозначилась угроза на Южном фронте, и они ослабили или начали ослаблять свои силы против нас.

Район сосредоточения выбирался удаленный, чтобы дать возможность отведенным частям отдохнуть и пополниться, чтобы можно было ударить не с места, а с движением вперед. Конец июля и весь август прошли в подготовке к этому переходу в наступление. Предположения о том, что красные не смогут помешать сосредоточению, оправдывались, но, конечно, не все, как всегда, было выполнено, что предполагалось. Были по-прежнему большие недостатки в одежде, оружии, патронах, подводах и проч.

Все же в первых числах сентября решено было перейти в наступление. Наступление было начато, кажется, 2 сентября и начало развиваться вовсе не так, как было предположено. Помнится, что предполагалось прежде всего ударить на север 1-й и 2-й армиями, бывшими по отношению к 3-й армии уступом впереди, с тем чтобы разгромить левый фланг красных, а 3-я армия должна была гнать противника перед собой, причем одна группа армии должна была обойти правый фланг красных.

В первые же дни операции выяснилось, что 1-я и 2-я армии почти не могут сдвинуться с места, а 3-я армия имела значительные успехи, и перед ней красные начали отходить. Пришлось организовать содей-

стве 1-й и 2-й армиям. Пришлось приказать Уфимской группе Войцеховского повернуть фронтом почти на север для удара по красным, стоявшим против 2-й армии. После ряда упорных боев в Озерном районе уфимцы сбили красных, и тогда сдвинулись с места 1-я и 2-я армии, но все же перед ними красные отходили слабо. Против 2-й армии была крепкая 30-я советская дивизия, упорно оборонявшаяся и довольно хорошо маневрировавшая.

В половине сентября продвижение вперед наших частей как-то застопорилось, несмотря на ежедневные бои. 1-я и 2-я армии, не смогшие выполнить самостоятельно своих задач, отняли у нас много времени и сил и растянули наш фронт. Красные не сдавались и переходили в контратаки. На юге ожидания решительных успехов от действий Степной группы, а затем и прибывших сибирских казаков не оправдались. Ожидали, что казачья группа прорвется в глубокий тыл, но дело ограничилось разными слухами об успехах и большим шумом. Пошли дожди, растворили почву, и дороги стали тяжелыми для движения. Нужны были еще какие-то большие усилия, чтобы заставить красных отступить. Об отходе левого фланга красных думать было нечего; во всяком случае, не было ничего похожего на наши весенние успехи.

При этой обстановке я 18 сентября со ст. Петухово выехал из штаба армии, чтобы вступить в командование 4-й Уфимской генерала Корнилова дивизией⁴¹. Кое-как, по страшной грязи, к вечеру добрался до штаба Уфимской группы, ночевал и на другое утро добрался до штаба дивизии. Состав дивизии, боевая работа мне были известны еще раньше. Особенности частей сейчас, слабые стороны и сильные передал генерал Войцеховский накануне; штыков около 2400, хорошая артиллерия, хорошие полковые команды в двух полках. Два полка вполне боеспособны, два очень слабы и по количеству штыков, и по командному составу. Большой тыл; при обозах 2-го разряда много семейств. Хорошая санитарная часть. Слабая сторона управления — постоянные запаздывания при выполнении боевых задач, при выступлениях с ночлегов. Наступают хорошо, но при контратаках красных скоро сдают; нет большой выдержки. В общем, все же одна из лучших «дивизий» армии. С этими отправными данными я и принял командование.

Боевые задачи на ближайший период — наступление вместе с другими частями армии. Последние дни шли дожди, почва распустилась, грязь была невероятная. Продвижение как-то застопорилось; даже сведения о красных были недостаточно выясненными: по одним данным, перед нами только передовые части, а главные силы на перехо-

де; по другим, красные всеми силами укрепляются. На следующий день мы с маленькой перестрелкой продвинулись на переход — перед нами оказались действительно только передовые части. К вечеру выяснили, что главные силы красных укрепились и приготовились к сопротивлению. Несколько дней нам не удавалось сдвинуть их с места, пока общими усилиями с соседями — 8-й Камской⁴² — мы ударили в один пункт с угрозой прорыва.

Красные бежали. Они оборонялись на восточном возвышенном берегу реки Суер. Западный берег представлял собой громадную луговую, с перелесками, равнину, и потому, когда мы подошли к речке, было как на ладони все, что спешно отходило. Наша артиллерия с открытых позиций преследовала отходящих и бегущих. За отступающими цепями и группами видны были скачущие всадники, пытавшиеся водворить порядок. Путь отступления одной колонны красных, кажется на село Моравское, проходил по лесу. Широкая дорога с сибирским черноземом была превращена дождями в сплошную грязь, по которой можно было тащиться с большим трудом. Пешеходы еле вытаскивали ноги; двигаться ночью по лесу вне дорог было невозможно.

Вечером наш конный дивизион пробрался в лес и, не выходя на дорогу, выпустил несколько пулеметных лент. На другое утро мы имели возможность судить о результатах. Поломанные телеги, брошенные повозки с ранеными, забытые лошади были на всем пути. Видимо, паника была страшная. После этого успеха дальнейшее продвижение пошло без задержки. Мы только комбинировали движение наших мелких колонн так, чтобы создавать для отходящих наибольшие затруднения.

30 сентября мы вышли на Тобол и расположились в деревнях по высокому берегу. Соседи справа, части 2-й армии, отстали — перед ними красные остались еще на восточном берегу Тобола. Это обстоятельство несколько беспокоило нас и заставляло озираться на север, а затем пришлось растягивать свои силы для обеспечения положения. Мы могли бы продолжать движение и дальше, только не надо было давать передышки красным. Но так как наши части были вымотаны и слабы по составу и так как предполагалось пополниться на реке Тоболе и вообще подготовиться для дальнейшего наступления, то мы ограничились достигнутыми результатами. Надеялись, что получим действительно пополнения и, во всяком случае, предупредим красных в переходе в наступление, так как оборона на столь растянутом фронте, хотя и при выгодных местных условиях, для нас была бы гибельной. Несколько дней наступления с частями дивизии во время выхода на реку Тобол дали мне полную картину практиковавшихся при-

емов наступления, приемов самых примитивных и неустойчивых. Дали возможность познакомиться с командным составом, его распоряжениями, подготовкой.

Запаздывания с выступлениями с ночлегов прекратить оказалось не трудно. Нужно было только выполнить самому и штабу требования нашего Полевого устава о месте начальника дивизии в колонне в предвиденье боя и несколько раз пропустить части при выходе с ночлега. Гораздо труднее было упорядочить разведку и работу передовых частей при завязке боя. Часто достаточно было нескольких выстрелов впереди, чтобы вся колонна остановилась на несколько часов. Бои завязывались не так, как мы видели раньше в Великую войну и как считали правильным. После того как разведка более или менее определяла расположение красных, наступающая пехота обыкновенно растягивалась на широком фронте в одну цепочку, часто без резервов, и занимала исходное положение. На флангах располагались конница или конные команды. Артиллерия открывала огонь, и почти всегда это было сигналом для движения. Цепи вставали и начинали двигаться скорым шагом, конница скакала «в обход». Красные открывали на большом расстоянии огонь, затем этот огонь делался беспорядочным, и они, примерно в 1500 шагах, не выдерживали и начинали уходить. Наши кричали во все горло «ура!» и «кавалерия вперед!».

Вот и все — это обычное наступление. Если красные выдерживали и наступающие ложились, то поднять их было уже трудно. Резервов частных большей частью не было, так как части были очень малочисленны. Ясно было, что такой порядок действий не может быть устойчивым. Стоило противнику перейти небольшими силами в контратаку — все поворачивало назад в исходное положение. Красные наступали большей частью так же, и только там, где они хотели устроить прорыв, можно было наблюдать более глубокие боевые порядки. При такой неустойчивости боевого порядка попадала в тяжелое положение артиллерия. Чтобы помогать своей пехоте, она должна была иногда сопутствовать наступающим, а между тем при колебаниях цепей она не могла быть уверенной в том, что обеспечена от захвата противником. Наши артиллеристы облегчали свое положение тем, что каждая батарея имела свои пулеметы для обеспечения.

По своему командному составу, количеству офицеров дивизия была в наиболее благоприятных условиях сравнительно с другими. Но как трудно было найти одного, двух человек для командования «полками» — по числу людей — батальонами. В дивизии два хороших командира полка, остальные еле терпимы за отсутствием более подходящих кандидатов. Самые несложные задачи, в обыкновенное время

выполняемые ротами, решались не гладко. А обстановка иногда заставляла придавать им артиллерию. Среди младшего командного состава было много хороших начальников разных команд — связи, разведки, пулеметных, они часто делали многое. Вообще состояние команд играло громадную роль при розыгрыше боя.

С выходом на Тобол мы получили распоряжение остановиться и вести только усиленные разведки. Пользуясь остановкой, мы, конечно, подсчитали свои раны и решили лечить их, насколько позволяют обстановка и время. Задач было много, но сколько у нас будет времени для работы? Считали, что не больше двух недель, но и то оказались не правы, так как через 5—6 дней мы должны были частью дивизии начать бои на стыке со 2-й армией. Надо: 1) влить ожидаемые пополнения, подучив их, 2) просмотреть и уменьшить тылы, 3) наладить хозяйство и подумать о зимней одежде, 4) найти несколько кандидатов в командиры полков и проч.

Увы, скоро мы узнали, что пополнений не получим на Тоболе; предполагалось заняться мобилизацией самим, в своем тыловом районе. Что это могло дать и какова цена этим пополнениям? Из своих тылов выбрали кое-что, но это мало улучшало положение. Раненные в прежних боях и выздоровевшие где-то удерживались в тылу, несмотря на наши вопли. Хозяйство несколько улучшилось. Район был богатейший хлебом, маслом. Плохо было то, что на покупку местных запасов денег не отпускалось, так как предполагалось, что все необходимое должно подаваться натурой. Это все необходимое считалось, конечно, по существующим нормам для обычного солдатского довольствия, а между тем в Гражданскую войну нормы на самом деле были давно потеряны и довольствия требовалось гораздо больше. Сегодня ели сытно, а завтра так себе. Поэтому приходилось разбирать жалобы на реквизиции, хотя в общем население относилось здесь к нам очень сочувственно и кормило охотно. Беспокоила обувь на осень, обувь и одежда на зиму.

Мы добивались, чтобы нам или дали денег на покупку полушубков и валенок, или же определенно сказали, что получим все не позже половины октября, самое позднее 1 ноября. Купить в этом районе теплую одежду было можно если не на весь состав, то хоть на часть. Мы получили ответ, кажется копию телеграммы министра снабжения, что все получим своевременно и опасаться нечего. Денег нам не отпустили, пришлось ждать всего из тыла; некоторые командиры частей кое-что выделили для закупок. Это было, конечно, каплей в море. В общем, остановка нам ничего не дала, кроме кратковременного отдыха, а красные получили передышку и пополнения.

Через несколько дней отдыха мы принуждены были для обеспечения своего правого фланга начать активные действия против красных, задержавшихся на восточном берегу Тобола у деревни Дианово. Несколько раз деревня переходила из рук в руки, наши легко выбивали красных, но те переходили в контратаку и так же легко выбивали наших. В конце концов, красные в этом районе заметно усилились и стали держаться прочнее. Когда же мы сосредоточили сюда более решительные силы и решили добиться успеха, было уже поздно: на фронте 2-й армии начались неустойки с отходом частей, причем создалась угроза и для нас.

Скоро начались бои и на всем фронте армии; красные предупредили нас и перешли в наступление (14—15 октября). Дня три бои велись с переменным успехом, но затем мы начали отступать то здесь, то там. Еще через два-три дня ясно обозначилось, что армия начала общий отход.

На нашем участке было тоже несколько напряженных боевых дней. Наше растянутое положение не выдерживало давления красных, и мы принуждены были уступать понемногу наши опорные пункты на Тоболе. Местные условия здесь были благоприятны для обороняющегося, но пассивной обороной удержать участок было нельзя; для активной же мы были слишком слабы и растянуты. Во время этих боев я воочию убедился, как слабы наши части в обороне даже выгодных пунктов; противник еще далеко, и, чуть наметился какой-либо обход, начинается нервничанье, а затем и отход. Требовались громадные усилия командного состава, чтобы удерживать людей от преждевременных отходов (вне сферы досягаемости ружейного огня) и для организации противодействия обходам. Это не всегда удавалось. При обороне совершенно зря выпускалось большое количество патронов, никакой дисциплины огня, никакой выдержки, никакого сознания силы оружия в своих руках. А эти же люди при наступлении бежали вперед безостановочно под таким же огнем противника.

В день перехода красных в наступление на реке Тоболе, еще до полного рассвета, в тумане слышу отчаянную пулеметную стрельбу впереди; кажется, что совсем близко, а на самом деле до 16-го полка не ближе 4 верст. Едем на выстрелы. Оказывается, что 16-й полк уже бросил деревню в долине Тобола и перешел на берег долины. Вся долина как на ладони, немного мешаает видеть туман. Пулеметы стучат всюду. По ком огонь? — Вон там по кустам двигаются красные! Внимательно смотрим — не ближе 2 верст какое-то слабое движение. С трудом останавливаем огонь и заставляем выдерживать. По-

лучаем донесения со своего участка (около 15 верст) — началось наступление красных. Слышим артиллерийский огонь.

Там, где во главе частей хорошие командиры, дело идет сносно; где слабые, совсем слабо. Обстановка меняется каждый час, части действуют на широком фронте, все зависит от умения командиров частей. Сколько горьких курьезов, в особенности когда мы оставили берег и стали отходить по лесистой местности.

Первые дни мы отходили медленно — верст по 6—8 в день; дальше начались отходы на большие расстояния. Кажется, уже во время этих боев из случайной какой-то телеграммы мы узнали, что армия, состоящая из нескольких групп, почему-то переименована на «Московскую группу армий»⁴³ и генерал Сахаров стал подписываться «Комгруппарм Московской». Было и смешно и грустно. Неужели успех, вылившийся в медленное продвижение армии на Tobol, успех, купленный очень дорогой ценой, так вскружил голову на верхах? Командующего армией, командующих группами Верховный Правитель наградил Георгием 3-й степени. А за две недели остановки на Tobole мы не получили ничего для восстановления сил, для продолжения наступления и ожидали жестоких последствий. Неужели не было видно, что обстановка напоминала положение весной этого же года западнее Уфы, что от успеха до полного провала дела один шаг. Разница была в том, что весной был успех действительно большим и что при неудаче могла быть надежда на переэкзаменовку, а теперь неудача вела к катастрофе для всего движения. Помню отлично, что эти горькие чувства переживались не одним мной, о том же говорил назначенный командующим Уфимской группой генерал Бангерский, сменивший ушедшего из армии из-за несогласий с Сахаровым генерала Войцеховского; говорил умерший в Чите командир Оренбургской казачьей бригады полковник Овчинников и др.

Командуя дивизией, да еще в такое критическое время, естественно, живешь ее обстановкой, обстановкой ближайших соседей. То, что творится кругом в широком масштабе, доносится изредка, обо многом узнаешь после. Нам трудно было представлять обстановку в целом. Во время движения к Tobolu мы слышали об упорных боях на левом фланге армии, о движении в тыл красным Сибирской казачьей группы, о прибытии отряда карпато-руссов и о неудаче с ним. Мы слышали об успехах ижевцев, волжан, о ряде выдающихся подвигов целых частей. И если во время движения вперед мы радостно прислушивались ко всему этому, забывая свои тревоги, и иногда (не всегда) начинали верить в перелом на фронте, то, когда начался общий отход, поняли, что дело обстоит не так благополучно.

До громких ли названий, наград, когда на фронте оставались все те же волжане, уфимцы, камцы, оренбуржцы, ижевцы, уральцы, потерявшие многих из своих соратников, а главное, терявшие веру в пополнения, поддержку, подкрепления, начинавшие остро ненавидеть тыл и видеть в нем сосредоточение всего скверного, всего зла? Надо еще прибавить, что вопрос о наградах вообще в армии понимался неодинаково. Многие были вообще против наград в Гражданскую войну, особенно таким орденом, как Святого Георгия Победоносца.

Дивизия отходила севернее железной дороги — к реке Ишиму. Получили сведения, что по пути пополнимся, во всяком случае не далее реки Ишима. Наши пополнения, полученные в своем районе, конечно, отстали, чтобы остаться в своих домах, а затем попасть в Красную армию. При отходе два-три критических случая, когда в штабе армии считали дивизию отрезанною и окруженною. Случаи происходили потому, что мы старались добросовестно выполнять дневные задания штаба группы, а соседи часто подводили — отходили больше чем следует. Выбирались благополучно, и только на реке Ишиме несколько пострадал Михайловский полк.

Сначала мы отходили, переходя к обороне некоторых пунктов, а потом, когда получили сведения о посылке пополнений, оставили на фронте завесу из оренбургских казаков и отошли сразу — оторвались, чтобы спокойнее влить пополнения. Действительно, близ Ишима получили до 60 человек унтер-офицеров из Петропавловской школы и около 600 человек солдат из кадровых бригад. Люди хорошо одеты, но не для холода, который уже давал себя чувствовать. Выглядят хорошо; поставили в строй — наши солдаты радостно их приветствовали. Большею частью Кокчетавского уезда, не высказывают определенных симпатий. Увы, это было уже бесполезное пополнение; может быть, люди и стали бы драться с большевиками, попади они к нам на Тоболе, в хорошие осенние дни. А здесь, на Ишиме, они попали, во-первых, в отступательное движение, во-вторых, в начавшиеся морозы и принуждены были иногда зябнуть без теплой одежды. Они скоро растаяли, отставая от частей и даже переходя группами к красным. По ним наши старые стрелки поняли, что ожидать от Сибири больше нечего, что мы одни.

Встретили мы на реке Ишиме и инженерную команду для руководства возведением укреплений. Кто-то еще думал, что постройкой укреплений на берегу небольшой, уже замерзающей реки можно помочь делу. Мы предложили прежде всего построить нам землянки для полевых караулов, так как все населенные пункты были на западном берегу Ишима, а высидеть на берегу без теплых помещений охране-

нию было невозможно. У нас не было теплой одежды даже для постовых.

Не успели устроиться на реке Ишиме, как 31 октября узнали о том, что красные заняли Петропавловск. Пришлось высылать конницу, чтобы обезопасить себя с юга, так как иначе мы могли быть отброшены на север. Потянулись дни ежедневных отходов вдоль железной дороги к Омску. Красные после успехов в Петропавловске начали нажимать все энергичнее и энергичнее, особенно когда выпал снег, подмерзла почва и можно было двигаться даже без дорог.

От Петропавловска до Омска 15—20 переходов; надо было ожидать, что через две недели мы будем под Омском. По опыту знаем, что, раз начался отход, не могут помочь приказы: «прочно занять и упорно оборонять», «задерживать во что бы то ни стало» и т. д. Решишь воспользоваться благоприятными местными условиями и дать отпор следующим по пятам красным, смотришь — сам попадаешь в «приятную» историю, из которой с трудом выкручиваешься, так как оказываешься в одиночестве. На пути к Омску у нас было не менее трех таких историй. И все потому, что соседи — с одной стороны сибирские казаки, а с другой — части Волжской группы — осаживали на чересчур большие расстояния.

В одном месте задерживаем красных, оставляем на месте боя арьергард, а остальное отводим подальше, чтобы приготовиться к обороне завтра; связываемся с соседями — они на месте. Через несколько часов к нам приезжает соседний штаб дивизии и подтверждает, что расположение их частей обеспечивает нас: стовариваемся на утро. Через час наша разведка доносит, что колонна красных подходит к деревне с той стороны, где расположены были наши соседи. Еле-еле успеваем предупредить свои части, оставленные далеко впереди, чтобы вывести их без потерь. Оказывается, что соседи свернулись без приказаний начальника дивизии, как только тот выехал к нам.

В другом месте, в районе большой казачьей станицы Николаевской, узнаем, что соседи, отходящие вдоль железной дороги, далеко позади, а красные рядом с нами. У нас поддивизии оставлено далеко. Спешно посылаем охранение, посылаем предупреждение, ориентируем подошедшие с нами части 12-й Уральской дивизии — через час загорелся бой. Частям дивизии в авангарде пришлось проделать за день и ночь до 50 верст, чтобы соединиться.

Вот большая казачья станица Волчья. Отличные дома, как в городе, жителей уже мало. Морозный день. Рядом местность очень удобная, чтобы задержать красных. Решили занять опушку рощи. Красные появились верстах в шести и, выяснив, что невыгодно двигаться

прямо по открытой местности под огнем, видимо, изобретают какой-то маневр. Можно и нам предпринять что-нибудь, но есть уже сведения, что люди, одетые в ботинки с обмотками, не выдерживают. Единственный возможный способ действий — тоже маневр. Отказываемся, так как имеем сведения, что соседи на севере — сибирские казаки — поддались назад больше чем нужно.

Близко Омск: что там? Слышали, что там формируется какая-то ударная группа, что укрепляется плацдарм на западном берегу близ Иртыша, что предполагается активная оборона. По другим сведениям, готовятся двинуть армии на юг, так как Иртыш еще не замерз, мост один — железнодорожный, паромная переправа невозможна, так как плавает мелкий лед — «сало». При всем желании верить в благополучный выход из положения, веры нет, и, зная по опыту, как скверно полагаться на всякие укрепленные полосы, плацдармы, обеспеченные переправы, мы настойчиво добиваемся подробной ориентировки.

Узнаем, что какая-то группа действительно формируется, но едва ли будет готова, что к постройке укреплений приступлено, но сделано мало; что Иртыш еще не стал, через мост начали проходить различные обозы. Что штаб армии наводит порядок на мосту. Скоро узнаем, что ушел с поста главнокомандующего генерал Дитерихс, будто бы из-за разногласий относительно обороны Омска. На его место назначался генерал Сахаров; командующим 3-й армией назначался генерал Каппель.

Перед самым Куломзином дивизия получила распоряжение занять укрепленную позицию, а затем отойти в резерв в Куломзино, передав позицию Екатеринбургской дивизии. Отпало одно — Иртыш 10—11 ноября стал, возможна переправа по льду. Ночью на 14 ноября мы узнали, что направление вдоль железной дороги Омск—Ишим особенно угрожаемо — наши части отходят назад не задерживаясь. Ночь была холодная, снежная, с метелью. Один из наших батальонов, бывший впереди на дороге в будке, подвергся нападению; трудно было разобрать силы и кто именно нападал, но люди нервничали.

После бессонной ночи, рано утром 14-го, я выехал в свой тыл, чтобы осмотреть приготовленные укрепления и затем стовориться с начальником Екатеринбургской дивизии о смене нас. Имея карту с обозначением проектированных укреплений, я с большим трудом отыскал на местности готовые укрепления. На ровном поле вырыто несколько окопов, по обе стороны железной дороги. Окопы не в рост, а большей частью «с колена»; ни землянок, ни приспособлений для обороны построек в общей линии. Перед окопами набросаны круги

колючей проволоки, местами колья. Кто-то из спутников иронически заметил: «Посадить бы строителей на морозе на часик в эти укрепленья». Мы не стали даже осматривать подробности; приказано было занимать впереди разные будки, разные постройки и скирды.

Не успела еще Екатеринбургская дивизия сменить нас, как мы получили распоряжение выступить из Куломзина, перейти Иртыш по льду около монастыря и стать в южных предместьях города. Тронулись и через несколько часов получили распоряжение двигаться за Омск. В Омск будто бы с севера вошли красные. Был уже вечер. В сумерках слышались взрывы, начались пожары. Мороз, мгла, красное от зари — небо, бесконечная лавина людей и обозов по пути из Омска к востоку. Все будки на железной дороге забиты так, что не протолкаться; всякое жилое помещение забито до отказа. Еще из Куломзина наши полки отрядили команды на ст. Омск, так как слышно было, что эвакуация не удастся, а есть погруженная одежда. Действительно, удалось добыть небольшое количество валенок.

Ночь под Омском была кошмарной. Деревень близко нет, есть кое-где заимки. Сильный мороз. Только к полуночи мы добрались до деревни (кажется, Некрасово). Когда мы подъезжали, думали, что она горит, так было много костров на улице. Вся улица была загромождена повозками, усталые лошади лежали, а местами вместе с ними и люди. В избу попасть было невозможно — все битком набито. Мы до утра продремали в санках, изредка греясь у костров.

Судьба Омска была предрешена на Тоболе; отходя, мы знали, что он не будет удержан, но все же строили себе иллюзии, что там, в тылу, может, соберут какой-то кулак и ударят. Когда же ожидаемое свершилось, когда все воочию увидели оставляемое, увидели ленту беспомощных эшелонов с людьми и всяким имуществом, настроение совершенно упало. Слышали, что большинство людей, мобилизованных в районе Омска, остается; оставались даже офицеры.

Наш состав оставался в целости; но на что же надеяться дальше? Единственно — это держаться друг друга, и там будь что будет. Мне на второй день рассказывали комичный случай в 13-м полку. Полк ночью остановился отдохнуть в заимке, в полку много татар. Ночью один из солдат-татар начал проверять, кто из офицеров где спит или лежит. Подходит со свечой к одному:

- Это ты спишь, господин полковник?
- Я, а тебе что!
- Спи, спи; а где полковник?
- Спит в другом углу!
- Ну, спи, спи.

Оказывается, кто-то пустил слух, что офицеры остаются в Омске и оставляют солдат. Это была проверка, где старший командный состав полка.

С отдачей Омска закончился большой период борьбы с советской властью, второй после нашего весеннего наступления, в который, казалось, еще возможно было добиться перелома в борьбе в нашу пользу. Трудно делать какие-нибудь определенные исчерпывающие выводы об этом периоде. Кто прав, кто виноват, что помешало создать лучшие условия для борьбы, когда все знали, что от успеха зависит все. Однако можно сказать, как и о первом периоде: 1) Фронт хотя и с осложнениями, но все же дал целое лето для подготовки к осеннему наступлению. 2) В сентябрьские дни, в течение целого месяца боев, он выполнял почти собственными силами наступательные задачи. Противник разбит не был, но ему не удалось безнаказанно послать части на фронт Деникина, и он был сильно потрепан. 3) Тыл почти ничего не дал; на реке Тоболе так и остались на фронте те же части, что воевали с 1918 года.

Мы не знаем, конечно, всех условий тыловой работы; обстановка была там чрезвычайно сложная: и вмешательство «союзников», и разные проекты, и тыловые осложнения, и работа эсеров и большевиков, и собственные неурядицы и бюрократизм, мечтавший о подготовке учреждений всероссийских. Но все же и в этой обстановке мы надеялись видеть какое-то осязаемое проявление воли, направляющей все к благополучному разрешению единственно важной задачи — победе над большевиками. Но увы, мы не чувствовали, что в тылу, во имя успеха дела, устраняются все препятствия. Мы видели часто обратное.

*К. Сахаров*⁴⁴

БЕЛАЯ СИБИРЬ⁴⁵

Борьба за власть

После долгих и трудных странствий, частью верхом, частью на телеге, через киргизские песчаные степи, приехали мы с женой из Астрахани в Уральск, дважды перейдя красный фронт. Впервые после почти годового пребывания в советской России и после шестимесячного заключения в большевистской тюрьме я попал в город, где свободно развевался Русский национальный флаг. Была осень 1918 года. По всей шире Руси от Карпат и до Тихого океана вспыхнули